

OIKONOMOS:
JOURNAL OF SOCIAL MARKET ECONOMY

1(1), 2014

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy

1(1), 2014

Oikonomos European Research Association
Vilnius, Lithuania, 2014

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
1(1), 2014

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” – научный рецензируемый журнал, зарегистрированный в Литовской Республике. В журнале публикуются исследования по экономике и смежным дисциплинам. Основными тематическими направлениями журнала являются: история и теория концепции ордолиберализма и социального рыночного хозяйства, христианская социально-экономическая мысль, современное экономическое развитие стран Восточной Европы и постсоветского пространства, теория и практика корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства. Журнал выходит два раза в год, к публикации принимаются материалы на русском и английском языках.

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvariju g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КОНСТАНТИН ГОЛУБЕВ (главный редактор) – доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь);

АЛЕКСАНДР ШЕМЯКИН (выпускающий редактор) – магистр политических наук (Минск, Беларусь);

СЕРГЕЙ ЛУКИН доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

РОМАС ЛАЗУТКА (ROMAS LAZUTKA) – доктор экономических наук, профессор Вильнюсского университета (Литва);

ПЕТР ПЫШ (PIOTR PYSZ) – Dr. hab, профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия);

МИХАИЛ РУМЯНЦЕВ – доктор экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

ДАНИЛА РАСКОВ – кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук (Смольный институт) Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

МИХАЛ МОШИНСКИ (Michal Moszynski) – PhD in Economics, Университет Николая Коперника в Торуня (Польша).

ПЕРЕВОД:

Алексей Скребнев и Светлана Носова

ISSN 2351-6178 (online)

Решение о публикации присланных статей принимается Редакционным советом на основании научной ценности статьи, ее соответствия тематическому профилю журнала и положительной рецензии.

© OIKONOMOS

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
1(1), 2014

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” is a scientific journal with peer reviews, registered in the Republic of Lithuania. The Journal publishes research articles on economics and related spheres. The main areas for publication are: history and theory of ordoliberalism and social market economy, Christian social and economic teaching, contemporary economic development of Eastern European and post-Soviet countries, theory and practice of corporate social responsibility and social entrepreneurship. The Journal is issued twice a year and accept publications in Russian and English.

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

The Journal was founded and is published by the
“Oikonomos European Research Association”
(LT-08221 Kalvariju g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

EDITORIAL BOARD

KONSTANTIN GOLUBEV (Editor in Chief) – Doctor of Economics, Candidate of Theology,
Professor of Belarus State Economic University (Minsk, Belarus);

ALIAKSANDR SHAMIAKIN (Executive Editor) –
Master of Arts in Political Science (Minsk, Belarus);

SIARHEI LUKIN – Doctor of Economics, Professor of Belarusian State University
(Minsk, Belarus);

ROMAS LAZUTKA – Doctor Economics, Professor of Vilnius University (Lithuania);

PIOTR PYSZ – Dr. hab, Professor of University of Finance and Management in Białystok,
(Poland), College of Business and Technology (Vechta, Germany);

MIKHAIL RUMIANTSEV – Doctor of Economics, Associate Professor of Saint-Petersburg
State University (Russia);

DANILA RASKOV – Candidate of Economics, Associate Professor of Faculty of Liberal
Arts and Sciences (Smolny College) of Saint-Petersburg State University (Russia);

MICHAL MOSZYNSKI – PhD in Economics,
Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland).

TRANSLATION:

Aliaksei Skrabniou and Sviatlana Nosava

ISSN 2351-6178 (online)

Publication decisions are made by the Editorial Board and are based on the article's scientific value, its relevance to the Journal's mission, and positive peer reviews.

© OIKONOMOS

СОДЕРЖАНИЕ

Abstracts

стр.

6

ТЕОРИЯ ОРДОЛИБЕРАЛИЗМА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Государство и рынок в ордолиберальной концепции
экономической политики

Петр Пыш (Piotr Pysz)

стр.

8

ХРИСТИАНСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Концепция ордолиберализма и католическое
социальное учение: сравнительный анализ

Константин Голубев, Сергей Лукин

стр.

31

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА БЕЛАРУСИ

Собственность: опыт социального рыночного
хозяйства и выводы для Беларуси

Владимир Поплыко

стр.

49

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Основные тенденции развития экономических систем
Республики Беларусь и Российской Федерации:
сравнительный анализ

Юлия Чайковская

стр.

65

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Посткризисная экономика и интеграционные
процессы на евразийском пространстве

Виктор Рязанов

стр.

80

Authors

стр.

95

CONTENTS

Abstracts

p.

6

THEORY OF ORDOLIBERALISM AND CONTEMPORARY SOCIETY

State and market in ordoliberal concept of
economic policy

Piotr Pysz

p.

8

CHRISTIAN SOCIAL AND ECONOMIC TEACHING

Ordoliberalism and Catholic social teaching:
comparative analysis

Konstantin Golubev and Sjarhei Lukin

p.

31

SOCIAL MARKET ECONOMY AND THE ECONOMY OF BELARUS

Property: experience of social market economy and
conclusions for Belarus

Vladimir Poplyko

p.

49

ECONOMIC DEVELOPMENT IN POST-SOVIET COUNTRIES

Main trends of economic systems'
development in the Republic of Belarus
and the Russian Federation: comparative analysis

Juliya Chaikovskaya

p.

65

EURASIAN INTEGRATION

Post-crisis economy and integration
processes in Eurasia

Viktor Ryazanov

p.

80

Authors

p.

95

ABSTRACTS

STATE AND MARKET IN ORDOLIBERAL CONCEPT OF ECONOMIC POLICY

Piotr Pysz

In the last decades of the XXth century the concepts of monetarism and supply-side economics drove away Keynesianism which dominated previously, but at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries the neoliberal approaches became much weaker. In economic theory and practice people started to use Keynesian methods again, because they were more efficient in the short run. Comprehensive and homogeneous ordoliberal economic teaching of W. Eucken and L. Erhard deals with development of market economy, which in its turn influences economic policy processes both on macro- and microeconomic levels. Ordoliberal economic teaching stresses the importance of rules for economic activities and responsibility which comes with freedom. Thus, ordoliberalism has means and instruments which will allow overcoming the current economic difficulties, as well as preventing them in the future.

Keywords: ordoliberalism, market economy, economic policy, Eucken, Erhard.

ORDOLIBERALISM AND CATHOLIC SOCIAL TEACHING: COMPARATIVE ANALYSIS

Konstantin Golubev and Siarhei Lukin

The article compares basic approaches of ordoliberalism and Catholic social teaching to main social and economic issues, and strengthens the ultimate importance of the person's responsible freedom for both approaches. A lot of attention is given to the subsidiarity principle as one of the foundations of Catholic social teaching, and to Walter Eucken's idea of interrelated societal orders. The authors especially stress similarities between ordoliberalism and Catholic social teaching in their critical attitudes towards Marxism and classical liberalism.

Keywords: ordoliberalism, Catholic social teaching, Eucken, Erhard, encyclical, competition, order.

PROPERTY: EXPERIENCE OF SOCIAL MARKET ECONOMY AND CONCLUSIONS FOR BELARUS

Vladimir Poplyko

The article reviews conceptual principles of social market economy. The key concept of ordoliberalism is property, which assumes responsibility and the right to manage it. The article also dwells on the main tasks for social market economy, analyses transformation of public property in the

Republic of Belarus, and formulates proposals on reforming the property management mechanism.

Keywords: property, responsibility, principles of ordoliberalism, public property, national property, state property.

MAIN TRENDS OF ECONOMIC SYSTEMS' DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION: COMPARATIVE ANALYSIS

Juliya Chaikovskaya

The article analyses social and economic results of development of the Republic of Belarus and the Russian Federation from the Soviet Union collapse in 1991. The author studies the current level of industry, export structure, and economies in general for the two countries and compares them to the Soviet economy, stressing the importance of oil industry. Besides, the article compares the levels of life for Belarusians and Russians in 1990 and now.

Keywords: economic development, the Republic of Belarus, the Russian Federation, gross domestic product, quality of life of the population.

POST-CRISIS ECONOMY AND INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA

Viktor Ryazanov

The article researches the possibilities and the prospects for the economic integration model for the Eurasian (post-Soviet) regions and countries. Using the experience of the European Union, the author studies the merits and the advantages of integration in the period of overall economic growth, as well as its limitations and deficiencies which become significant in crisis periods. The development of integration on the post-Soviet space becomes an important means to join efforts of the countries to overcome the current crisis and strengthen of their positions for world market. The data of the opinion polls about the integrated preferences of the population of post-Soviet states are presented. In conclusion the possibilities and the conditions for the development of regional integration in the CIS are analyzed.

Keywords: post-Soviet states and the integration process, the economic integration model, integration experience of the European Union, the Customs union, the integration preferences of the population.

ГОСУДАРСТВО И РЫНОК В ОРДОЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Петр Пыш (Piotr Pysz)

Doctor hab., профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша),
Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия)
e-mail: pyszpiotr@gmail.com

Рецензент: Сергей Лукин, доктор экономических наук,
профессор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Статья получена 10 октября 2014, принята к публикации 21 ноября 2014

Аннотация

В последние десятилетия XX века напор монетаризма и экономики предложения вытеснил доминирующее раньше кейнсианство, но на рубеже XX и XXI веков позиции неолиберального образа мышления значительно ослабли. В теории и экономической политике намечился возврат к действующим в краткосрочном периоде кейнсианским методам решения экономических проблем. Комплексная и однородная ордолиберальная концепция экономической политики В. Ойкена и Л. Эрхарда касается формирования рыночного экономического порядка, воздействующего на ход процесса хозяйствования как в макроэкономическом, так и в микроэкономическом аспектах. Ордолиберальная концепция экономической политики со своим упором на формирование правил экономической игры и распространение ответственности за свободу предлагает средства, позволяющие в длительном периоде преодолеть нынешние экономические трудности, а также предотвратить их в будущем.

Ключевые слова: ордолиберализм, рыночный экономический порядок, экономическая политика, Ойкен, Эрхард.

Введение

Что заставляет нас вновь и вновь обращаться к извечной теме экономических дискуссий, касающихся – еще со времен полемики Адама Смита с меркантилистами – вопроса взаимоотношений между сферой политики и рынком? Государство, как правило, противопоставлялось в них рынку или наоборот – рынок противопоставлялся государству (Gutmann 1998, s. 52). В рамки этой схемы мышления вмещается фундаментальность для экономической политики после великого кризиса 1929-1933 годов. Дискуссия между сторонниками науки Джона Мейнарда Кейнса и ее критиками, представителями неолиберальной (в основном монетаризма и экономики предложения) экономической мысли.

Вплоть до кризиса Бреттон-Вудской системы и нефтяного шока 1973 года в экономической политике Соединенных Штатов Америки и Западной Европы доминировали идеи Кейнса. Ненадежность кейнсианской антициклической политики конъюнктуры в

стагфляционной декаде 1970-х годов дала стимул для наступления неолиберализма. Совместимым с этими тенденциями в экономической науке был девиз “урезанного государства” в годы правления Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. Одним из наиболее существенных элементов неолиберального подхода к экономической политике было расширение сферы свободы передвижения капитала в международном масштабе. Оно сопровождалось распространенной верой в гипотезу о способности финансовых рынков к саморегулированию и их эффективности. Эта спорная гипотеза “рационализировала” постепенный выход финансовых учреждений западных стран (в основном англо-саксонских) на фактически почти никем не регулированный рынок международных финансовых транзакций. На этих рынках употреблялись все более сложные и все менее прозрачные для покупателей финансовые инструменты.

Кризисное развитие событий в мировой экономике повлияло на восприятие неолиберальной концепции экономической политики. Начавшийся еще в 2007 году кризис международных финансовых рынков, с все более наглядными в 2009 году последствиями для реальной сферы мировой экономики в виде спада объемов инвестиций, внутреннего валового продукта и роста численности безработных, свергнул с пьедестала безошибочности монетаризм и экономику предложения. То же касается кривой Лаффера как идеологического фундамента налоговой политики. В условиях общей экономической рецессии, вытекающей из краха эффективного спроса в самых крупных мировых экономиках, наступил ренессанс концепции экономической политики Д.М. Кейнса. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2009 году появились голоса, прямо констатирующие, что “все мы являемся теперь кейнсианцами”. Некоторые участники Форума, например, американский экономист Кен Розен (Ken Rosen), пошли еще дальше, констатируя, что американская модель экономики оказалась хуже в сравнении с экономическими моделями Германии, Японии или Швейцарии (Clausen and Zött 2009).

Настоящий ренессанс кейнсианства должен все-таки вызывать сомнения. Суть проблемы, пожалуй, заключается в том, что как неолиберальная, так и кейнсианская концепции экономической политики не выходят за пределы традиционной схемы количественного мышления об отношениях государство-рынок в категориях известной из теории игр – игр с нулевой суммой. Больше рынка означает меньше государства и наоборот¹.

Кейнсианство, интерпретируемое как больше государства в экономике, может на самом деле оказаться для мировой экономики эффективной терапией, но лишь в краткосрочном периоде. Путем

.....
¹ В рамках этого распространенного образа мышления об отношениях государство – рынок вмещается также, касающаяся актуального кризиса международных финансовых рынков, статья “духовного отца” польской системной трансформации Лешек Бальцеровича (Balcerowicz 2009, s. 24).

многokrатно испытанных со времен великого кризиса методов стимулирования спроса он может способствовать ее выводу из сегодняшнего глубокого, глобального кризисного краха. Однако его практическая полезность заканчивается в долгосрочном периоде, которого британский экономист по понятным соображениям не любил, констатируя “In the long run we are dead”. Зато монетаризм и экономика предложения с их девизом “больше рынка и меньше государства” вместе с гипотезой о саморегуляции и эффективности финансовых рынков – это главные концептуальные причины кризиса международных финансовых рынков и общей мировой экономической рецессии. По этой доминирующей в 1980-х и 1990-х годах теоретической базе экономической политики не следует ожидать предложения эффективной терапии для сегодняшних трудностей.

Из настоящего мирового кризиса, с ордолиберальной точки зрения, можно сделать два терапевтических вывода, относящихся к продолжительному горизонту хозяйствования. Они касаются того, что Вильгельм Репке в первой половине XX века метко определил как антрополого-социологический фундамент капиталистической мировой экономики (Rörke 1981, s. 231).

Во-первых, все действующие на рынке хозяйствующие субъекты должны соблюдать общеобязывающие правила экономической игры. По мнению Пола Самуэльсона (Paul Samuelson), “...капитализм нуждается в правилах игры. В нем необходима заслуживающая доверия законодательная система” (Von Jung und Hornig 2005). Отсутствие правил или их несоблюдение вызывают в людях неодолимую жажду наживы, причем прежде всего за счет других². Много примеров приводит в этой области развитие в последние годы событий на международных финансовых рынках. При отсутствии правил игры рынок продемонстрировал еще раз хорошо известную по экономической истории имманентную тенденцию к самоуничтожению. Для устойчивого выживания и эффективного функционирования он нуждается в защите со стороны органов политической власти от жаждущих сверхдоходов капиталистов и, как правило, стремящихся к достижению превосходства по отношению к покупателям путем достижения монополистических позиций или использования существующей информационной асимметрии.

Во-вторых, в рыночной экономике свобода хозяйствующего индивида подразумевает необходимость нести ответственность, ибо свобода и ответственность – это две стороны одной и той же медали. В случае отсутствия ответственности индивида за существующую свободу рыночный экономический порядок не может эффективно функционировать ни с экономической, ни с социальной точки зрения. Ему угрожает постепенный дрейф в направлении хаоса и анархии. На международных финансовых рынках это ока-

.....
² Вальтер Ойкен подчеркивал, что конкурентный рынок проявляет “естественную” тенденцию к исключению конкуренции и ее замене олигополиями и монополиями (Eucken 2004, s. 31).

залось в последние годы не только гипотетической возможностью, а очевидным фактом. Экономическая политика должна создавать предпосылки, способствующие формированию человеческих отношений, характеризующихся развитым чувством ответственности за существующую свободу хозяйствования.

Формирование общеобязывающих правил экономической игры и влияние на закрепление свободы индивида путем “обучения” несению ответственности за свободу является предметом заинтересованности, базирующейся на либеральной экономической доктрине концепции политики формирования экономического порядка в понимании Вальтера Ойкена и Людвиг Эрхарда. Эти концепции представляют роль государства и рынка, прежде всего, в качественных категориях. Они были сформулированы в 1940-х и 1950-х годах и хотя бы отчасти испытаны в экономике Западной Германии в период после Второй мировой войны. Представляется, что по указанным выше причинам они соответствуют современной потребности мировой экономики в эффективной долгосрочной терапии настоящего кризиса.

Ордолиберализм и его концепция экономической политики

Ордолиберализм уже в своем названии ссылается на латинское понятие ордо (ordo). В древнеримской философии под словом ордо понималось положение вещей, характерное для цивилизованного общества, в котором свободные индивиды могут беспрепятственно совершать сделки в рамках общеобязывающих законодательных правил (Streit und Kasper 1995, s. 113). А в европейском средневековье ордо определялось как объединение разнообразных элементов, вещей и структур в одно разумное целое (Eucken 1989, s. 239). Ордо в европейской, а также и в восточноазиатской общественной мысли традиционно толковалось как противопоставление анархии и хаосу. В этом контексте стоит напомнить уже почти забытый факт, что автор физиократизма Франсуа Кенэ (François Quesnay) перенес в европейский либерализм существенные элементы мысли древнего китайского мудреца Конфуция. Особенно это касается идеи естественного порядка, предполагавшей, что реализация правильно понимаемых индивидуальных интересов человека может в процессе рыночных интеракций способствовать осуществлению социального равновесия и гармонии. В мысли Конфуция было также убеждение о координационных способностях невидимой руки рынка и положительный образ человека, счастье и мирное сосуществование с другими людьми которого зависит от свободы индивида.

Интерпретируемое таким или похожим образом в течение тысячелетий истории человечества понятие ордо соответствует не реально существующему экономическому порядку, а его желательному образованию. Ордо имеет в принципе нормативный харак-

тер. По поводу потребностей экономической политики, стоящей перед задачей формирования экономического порядка, В. Ойкен высказался следующим образом: “Особенно в периоды, характеризующиеся наличием дисфункциональных или несправедливых экономических порядков, идея порядка, отвечающего сути дела, т.е. естественному порядку, ордо приобретает большее значение. Абсурдность конкретно существующего положения вещей является мотивацией для такого типа мышления. Тогда идут поиски порядка, который в противоположность актуально существующему положению вещей, соответствует здравому смыслу или же природе человека, а также сущности проблем, нуждающихся в решении” (Eucken 1989, s. 239). Настоящий кризис на международных финансовых рынках и в сфере реальной мировой экономики полностью отвечает критериям, сформулированным в дефиниции Ойкена: существующий в настоящее время порядок (или более точно – беспорядок) в мировой экономике бесспорно является дисфункциональным несправедливым, да и к тому же абсурдным.

Роль государства в ордолиберальной концепции

Представляется существенным обратить внимание на то, что ордолиберализм является чем-то вроде “ровесника” кейнсианства, поскольку он развивался, начиная с Великого кризиса 1929-1933 годов, пройдя через годы Второй мировой войны, вплоть до начала 1950-х годов. Подобно кейнсианству, он ставил перед собой задачу спасти основанную на свободе индивида капиталистическую рыночную экономику от очень влиятельных тогда социалистических и даже тоталитарных тенденций. Но эти концепции принципиально отличаются друг от друга предлагаемыми ими методами реализации этой цели. Если ордолиберализм делал упор на политику формирования экономического порядка, то кейнсианство на первый план выдвигало политику процесса, состоявшую в стимулировании совокупного спроса. А общей чертой обеих этих концепций является то, что они представляют собой попытку научной рефлексии и ответа на глубокий институциональный, нравственный и экономический кризис современного им капитализма времен мирового экономического кризиса. В этом смысле они продолжают оставаться “современными”, ведь спустя семьдесят с лишним лет мировой капитализм тоже находится в похожей (хотя и не идентичной) кризисной ситуации. Огромным достоинством обеих этих концепций экономической политики является то, что они обращаются к извечному прагматичному принципу, согласно которому история учит жизни.

Ордолибералы признали угрозы для свободы индивида, вытекающие из действий политической власти, умеющей, в частности, путем применения насилия навязать свою волю другим индивидам, а также обществу. Свободу и ответственность индивида они рассматривали как наивысшую ценность свободного общества. По мнению ордолибералов, государство должно быть институционально сфор-

мировано так, чтобы не могло угрожать свободе индивида. Не ограничиваясь этим, оно должно защищать свободу индивида от других опасностей. Ставя перед государством задачу служить свободе индивида, они находились в оппозиции к интеллектуальной традиции, ссылавшейся на философа XIX века Георга Вильгельма Гегеля, влиятельной в Германии и других местах, считавшей государство воплощением абсолютной свободы и рациональности человеческого общества (Brockhaus Enzyklopädie 1989, s. 592-593).

Служба свободе индивида требует, по мнению ордолиберальных мыслителей, чтобы государство не ограничивалось в экономике ролью ночного сторожа. Политика, основанная на этой лессеферистской концепции, как много раз доказала история, недостаточна для осуществления этой цели. Ведь она не в состоянии предотвратить ограничение отдельными сильными индивидами или рыночными субъектами свободы других людей. Действия этого типа Людвиг Эрхард определял как разбой. Итак, наряду с выполнением необходимой роли ночного сторожа, государство должно вести основанную на концептуальных фундаментах политику формирования экономического порядка, противодействуя, таким образом, основанию позиции экономической власти.

Под концепцией экономической политики здесь будет пониматься ориентационная модель этой политики, характеризующаяся по возможности комплексной трактовкой и цельным соединением материальной задачи и ценности хозяйственного общества, принципов экономического порядка, применяемых методов и инструментов экономической политики и хозяйственных субъектов³. Таким образом, толкуемая концепция экономической политики, стремится к оказанию долговременного влияния на процесс хозяйствования общества в целом. А роль государства в ордолиберальной концепции экономического порядка вытекает не из каких-то более или менее привлекательно сформулированных идеологических предпосылок, а из ее внутренней логики. Это решающая предпосылка критической оценки ордолибералами роли государства в экономической политике, назначенной ему в XVIII и XIX веках классиками английской политической экономии. С точки зрения классического экономического либерализма воздействие государства на экономику должно было ограничиваться в принципе исполнением роли ночного сторожа. Государство периода капитализма *laissez-faire* должно было генерировать общие правовые принципы экономической и социальной жизни, а также обеспечить их соблюдение.

Классический экономический либерализм, исходя из предпосылки выполнения государством роли ночного сторожа, оставил хозяй-

³ От представленных выше дефиниций концепции экономической политики отличаются дефиниции экономической политики как таковой: "Экономическая политика ставит перед собой некоторые цели, корые намерена осуществить и пользуется некоторыми средствами, которые служат для реализации этих целей" (Lange Oskar 1959, s. 129). Как реляция между целями и средствами хозяйственной деятельности экономическая политика определяется также в немецко- и англоязычных публикациях, например: (Altmann 2000, s. 4; Tinbergen 1978, s. 6).

ственным субъектам для принятия решений и их деятельности на рынке формирование как экономического порядка, так и хода процесса хозяйствования. Согласно указаниям Джона Стюарта Милля, применение принципа *laissez-faire* толковалось как принцип невмешательства государства в эти две качественно разные сферы деятельности хозяйственного общества (Lippmann 1945, s. 249-258). Представители классической либеральной мысли ожидали, что на рынке, полностью свободном от какого-либо вмешательства политики, конкуренция и конкурентный экономический порядок сформируются как бы сами по себе. По Ойкену, это была кардинальная ошибка мышления классического экономического либерализма.

Делая выводы из критики традиционного экономического либерализма, ордолибералы ставят перед государством задачу формирования экономического порядка. Отказываясь от прямого вмешательства в ход рыночного процесса хозяйствования, государство занимает позицию нейтрального арбитра, стоящего поверх разнообразных противоречивых интересов отдельных участников экономической игры или даже их групп. Позиция нейтральности создает предпосылки, способствующие тому, чтобы оно могло склонить или заставить хозяйственные субъекты соблюдать сформировавшиеся на основании его решений общеобязывающие правила игры. Благодаря самоограничению, государство сокращает возможности оказания давления на решения экономической политики со стороны разных сильных индивидов и групп экономических интересов. Отказ от прямого вмешательства в ход процесса хозяйствования должен стать источником силы государства в сфере формирования экономического порядка, т.е. в принципиальном с точки зрения ордолиберальной концепции вопросе. Отсюда следует тезис о необходимости существования сильного государства, определяющего путем политики формирования экономического порядка правила экономической игры и гарантирующего их соблюдение всеми хозяйственными субъектами.

В. Ойкен и Л. Эрхард отдавали себе отчет в характере трудностей, связанных с ведением государством экономической политики, направленной на формирование и стабилизацию рыночного экономического порядка. Его самым существенным качеством является то, что всех участников рыночной игры обязывают одни те же правила. Рыночный экономический порядок должен быть – по принципу – порядком без каких-либо привилегий для тех или иных хозяйственных субъектов или их групп (Vanberg 2002, s. 9). Это подчеркивали также Франц Бём (Franz Böhm) и Фридрих Август фон Хайек (Hayek 1976, s. 201). В рамках обязывающих всех одинаковых правил игры, однако, возможно, что некоторые ее участники или все группы интересов заметят шанс достижения дополнительной выгоды путем их несоблюдения (Böhm 1980, s. 158). Одним из возможных способов их поведения является использование имеющейся преимущественной позиции, чтобы вынудить толерантность к такому положению вещей других хозяйственных субъектов.

Другой опцией, которая принимается во внимание, является использование имеющихся возможностей оказания влияния на государство и его органы, чтобы этим путем добиться выгодных для себя прав и привилегий. Разные способы деятельности ищущих выгоды лиц и групп интересов не исключают друг друга. И даже наоборот, они могут друг друга дополнять и усиливать.

Из поиска рыночными субъектами разного рода рент следует, что рыночный экономический порядок всегда и всюду находится под угрозой со стороны отдельных сильных индивидов или в еще большей степени их групп. Это не остается без последствий для государства, стоящего в ордолиберальной концепции на страже соблюдения действующих правил рыночной игры. Основная проблема – это как можно предохранить создателя и стражника порядка от нажимов разных групп интересов? Какие политические и институциональные решения могли бы создать предпосылки для эффективного исполнения государством в экономике роли нейтрального, но и способного осуществить свою волю арбитра? Далее, как можно оградить свободу индивидов от ее ограничения или даже ликвидации органами политической власти?

Анализ и решение проблем, появляющихся на стыке рыночной экономики и политики, являются в настоящее время предметом заинтересованности новой институциональной экономики, экономической теории государства неоклассического сравнительного анализа экономических систем. Ведь ордолибералы возлагают надежду, прежде всего, на силу представляемых наукой идей и аргументов. Кстати, похожую позицию по этому вопросу занимал также Д.М. Кейнс: “Взгляды экономистов и политических мыслителей оказывают намного более сильное влияние, чем обычно принимается, причем независимо от того, правильны ли они или ошибочны. Почти ничто другое не управляет миром так, как они. Практики, считающие, что они свободны от всяких интеллектуальных влияний, часто незаметно оказываются духовными рабами какого-то уже давно умершего экономиста” (Mankiw und Taylor 2008, s. 37). Для рационализации политики формирования экономического порядка ордолибералы признавали необходимым сформулировать комплексные и единые ее принципы. На них должны были бы ориентироваться программы и действия этой политики, направленные на решение практических проблем в конкретных ситуациях данной экономики. Принципы политики формирования экономического порядка должны были быть интеллектуальным компасом для ее практической реализации.

Рынок в ордолиберальной концепции

Подход ордолиберальных экономистов к проблематике рынка выходит за пределы его инструментального толкования, прежде всего, как рыночного строя, обеспечивающего посредством цены равновесия оптимальное размещение ресурсов и благ. Свобода хозяйствующих субъектов и рыночная координация их хозяйствен-

ной деятельности связаны с ориентацией на признанную систему социальных ценностей. Рынок является, прежде всего, способом организации социального процесса хозяйствования, обеспечивающим хозяйствующим индивидам жизнь в условиях свободы и ответственности. А оптимизация размещения благ и ресурсов в условиях существования рыночной конкуренции является результатом такого способа взаимодействия свободных индивидов.

Социальный характер рыночной экономики должен, по их мнению, гарантироваться не государственной корректировкой рыночного распределения доходов, а, прежде всего, в результате осуществления политики формирования экономического порядка. Обращаясь к известной идее, авторство которой приписывается Аристотелю, она должна создать индивидам режим равных шансов в рыночной конкуренции. Таким образом, эта концепция экономической политики является по природе вещей *par excellence* либеральной. Ее смысл сводится к определению стабильных и общеобязывающих правил рыночной игры, обеспечивающих хозяйствующим индивидам высокий уровень формального равенства, а по мере существующих возможностей также материальных шансов конкурентирования. Это ограничивало бы нежелательные социальные последствия функционирования оптимизирующего размещения рынка.

Таким образом, общей чертой образа мышления о рынке Л. Эрхарда и В. Ойкена является видение в нем не только инструмента оптимизации размещения ресурсов и благ, но безальтернативного способа организации социального процесса хозяйствования. Рынок интерпретируется этими ордолиберальными мыслителями одновременно в двух измерениях – как механизм оптимизации размещения ресурсов и благ и как институциональное решение, способствующее существованию и сохранению свободы индивидов и свободного общества. От инструментального подхода к рынку, например, Оскара Ланге, Альфреда Мюллер-Армака и многих других их отличает то, что они интерпретируют его в тесной связи с вышестоящими социальными ценностями, характерными для европейских культурных кругов еще со времен Просвещения.

Из ордолиберального тезиса о примате экономического порядка над ходом процесса хозяйствования вытекает представленное в табл. 1 гипотетическое влияние концепции политики формирования экономического порядка Л. Эрхарда и В. Ойкена на рационализацию хозяйственного поведения. Так как центральным пунктом этих концепций является их рационализация путем соответствующего формирования экономического порядка, в рамках которого идет саморегулирующийся рыночный процесс хозяйствования.

Со времен меркантилизма XVII и XVIII веков экономическая политика предпринимала действия, направленные на рационализацию хозяйственного поведения микроэкономических рыночных субъектов – в основном предприятий. Развитая после великого кризиса 1929-1933 годов наука Д.М. Кейнса создала, в свою

очередь, теоретические основы для программ и действий экономической политики, направленных на рационализацию хода процесса хозяйствования в макроэкономическом масштабе. К этим стандартным и общепризнанным платформам деятельности экономической политики добавляется у Л. Эрхарда рационализация поведения индивидов. На основании этой дифференциации построена табл. 1.

Таблица 1.

Рационализация хозяйственного поведения путем политики формирования экономического порядка

Платформа анализа:	Принципы формирования экономического порядка	
	В. Ойкен	Л. Эрхард
макроэкономическая	<ul style="list-style-type: none"> • Стабильность уровня цен • Устойчивость экономической политики 	<ul style="list-style-type: none"> • Стабильность уровня цен • Устойчивость экономической политики
микроэкономическая	<ul style="list-style-type: none"> • совершенная конкуренция • эффективный ценовой механизм • открытые рынки • частная собственность на средства производства • свобода заключения договоров • ответственность за результаты хозяйственной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> • рыночная конкуренция в открытой экономике • эффективный ценовой механизм
индивидов	<ul style="list-style-type: none"> • на рационализацию поведения оказывают прямое влияние вышеуказанные факторы 	<ul style="list-style-type: none"> • на рационализацию поведения оказывают прямое влияние вышеуказанные факторы. • Прямо влияют следующие факторы: • равные формальные и материальные шансы в рыночной конкуренции • полная занятость факторов производства • распределительные эффекты стабильности уровня цен • диверсификация имущественной субстанции в обществе.

Источник: собственные разработки.

На основании табл. 1 можно определить способ трактовки ордолиберальными экономистами роли рынка и рыночных субъектов. Они соглашались в том, что саморегулирующийся рынок Адама Смита должен быть охвачен рамками рыночного экономического порядка, сформировавшегося на основании разработанных ими концепций. Причем В. Ойкена можно приблизительно определить как рыночного либерала, сосредоточивающего исследовательские усилия на конкурентном экономическом порядке, а Л. Эрхард определял себя сам как “социального либерала” (Erhard 1988, s. 861). Концепции этих двух ордолиберальных экономистов, сосредоточивающих внимание на функционировании микроэкономических рыночных субъектов (Ойкен) и активных в рыночной экономике индивидов (Эрхард), комплиментарны друг относительно друга.

Поэтому они могут быть синтезированы в рамках одной ордолиберальной социальной концепции рыночной экономики.

Ойкен как представитель рыночного ордолиберализма

Ойкен в рассуждениях о рынке помещает предприятие в экономике как единое целое. Совершенная конкуренция, которая гарантирует, что рыночная цена оказывается как для оферентов, так и покупателей параметром, на который они не имеют никакого влияния, является продуктом мышления, применяемого Ойкеном метода изолирующей абстракции. Последовательно оставаясь на том же высоком уровне абстракции, что идеальный тип совершенной конкуренции, Ойкен представляет экономические субъекты, действующие в рамках этой экономической модели, тоже как идеальные типы. Таким образом, он обеспечивает их методологическое единство с рыночной формой совершенной конкуренции. Последовательность в сфере применения идеальных типов проявляется в описании функций, выполняемых в экономике предприятиями и домохозяйствами. В домашних хозяйствах, являющихся составляющим элементом этой теоретической модели рыночной экономики, не производятся никакие блага, ничто также не стирается и не шьется. Все экономические блага, необходимые домохозяйствам населения, будут ими покупаться как уже вполне приспособленные к употреблению в предприятиях, а впоследствии использованы. Таким образом, в предприятиях реализуется процесс производства, а в домохозяйствах – процесс потребления, причем домохозяйства одновременно предлагают предприятиям работу и сбережения, что, в свою очередь, обеспечивает им приток доходов (Eucken 1989, s. 88).

В понимании Ойкена материальная цель рыночной экономики отличается от доминирующего макроэкономического способа ее определения в экономической политике, средствах массовой информации, а также в дискуссиях между экспертами. В настоящее время в центре заинтересованности стоит валовой внутренний продукт (или национальный доход брутто) в абсолютных величинах или в пересчете на душу населения. Существенное значение придается годовым или даже квартальным приростам объема этих агрегатов. А Ойкен последовательно аргументирует в соответствии с философией либеральной мысли. Ее исходной точкой, а также конечной целью всегда является свободный индивид. Из этого вытекает постулат суверенитета потребителя. А задача экономики – оптимальным образом удовлетворить нужды потребителей, проявляющиеся на рынке в виде спроса. Определение основной задачи экономики в интерпретации Ойкена отражает логику функционирования экономики, направленной на суверенитет потребителя. Оно является более точным, чем вышеупомянутые макроэкономические агрегаты, не содержащие информации о том, что составляет сущность функционирования рынка, то есть о структуре рыночного спроса и предложения и их взаимного приспособления.

С перспективы имплементации в экономическую политику правил конкурентного экономического порядка Ойкена существенным является отношение между общим принципом цен, правильно выполняющих в экономике функцию показателя редкости благ и ресурсов, и ее конституирующими и регулируемыми принципами. Как конституирующие, так и регулирующие принципы подчинены в концепции Ойкена генеральному принципу. Формулируя эту мысль по-другому, эти принципы должны делать возможным формирование экономической политикой таких форм экономического порядка, которые посредством функции ценообразования совершенной конкуренции склоняли бы экономические субъекты к оптимальному размещению благ и ресурсов. В связи с этим необходимо объяснить интерпретацию Ойкена категории совершенной конкуренции. Она отличается от базирующихся на крайне рестриктивных, помещенных в учебниках, предпосылках интерпретации этой модели. По сравнению с ее типичной моделью, этот ученый имеет в виду нечто вроде совершенной конкуренции *light*.

Рыночная форма совершенной конкуренции выступает уже тогда, когда конкурирующие друг с другом на рынке продавцы и покупатели планируют свою экономическую деятельность, принимая во внимание то, что на рынке они имеют дело с конкурентами. Тогда они вынуждены одобрять данные им рынком цены как параметры, на которые они не имеют влияния (Eucken 2004, s. 248-249). Так как в противном случае они пытались бы путем стратегии рыночных поведений манипулировать в свою пользу величиной цен производимых или покупаемых ими благ или ресурсов (Lenel 1989, s. 308). Это означало бы, что цены в экономике не выполняли бы правильно функции показателя редкости благ и ресурсов.

Экономическая политика, направленная на реализацию конституирующих и регулирующих принципов хозяйственного порядка, должна создавать правила экономической игры, способствующие правильному выполнению ценами функции показателя редкости благ и ресурсов в ходе процесса хозяйствования. В случае приближения к реализации этой задачи или же ее выполнения, размещение благ и ресурсов в масштабе экономики приближалась бы к оптимуму Парето или достигло бы его. Такого рода размещение было бы, в свою очередь, равнозначно реализации главной материальной задачи экономики, что в значительной степени способствовало бы стабилизации хозяйственного порядка. В концепции экономической политики Ойкена ход процесса хозяйствования и экономическая гармония синтезируются в одно целое, в котором один аспект хозяйствования (порядок) оказывает влияние на второй аспект (процесс), одновременно подвергаясь в длительном периоде обратному воздействию с его стороны.

В. Ойкен учитывал тот факт, что добиться ситуации полиполии (*polypol*) на всех рынках в принципе невозможно. Во-первых, надо считаться с тем, что вне зависимости от последовательной политики, направленной на формирование конкурентного хозяйственного

порядка, на некоторых рынках вместо совершенной конкуренции появятся другие формы рынка (Eucken 2004, s. 253). Кроме того, Ойкен обращает внимание на факт, что даже если путем последовательной реализации конституирующих принципов конкурентного экономического порядка удалось бы осуществить совершенную конкуренцию, то она все еще будет характеризоваться определенными дисфункциями, которых трудно избежать. Их исправление и подчинение функционирования рыночной экономики реализации генерального принципа конкурентного порядка требует соответствующих действий экономической политики (Eucken 2004, s. 291). Следовательно, совершенная конкуренция сама по себе не является совершенной.

Вышеперечисленные соображения, по мнению Ойкена, свидетельствуют о необходимости дополнения конституирующих принципов конкурентного экономического порядка регулирующими принципами. Их учет в экономической политике должен наряду с реализацией конституирующих принципов служить обеспечению функциональности конкурентного порядка. В противном случае ему угрожали бы не только монополистические тенденции, но и его имманентные слабости. В этом пункте Ойкен начинает конкретизировать идеальный тип совершенной конкуренции. Наступает переход от идеального типа к реальному, учитывающему, наряду с совершенной конкуренцией, другие аспекты экономической жизни (Lenel 1989, s. 303). Имплементация регулирующих принципов в экономическую политику, по мнению этого ученого, должна обеспечить, чтобы экономические субъекты, действующие на рынках, далеких от модели совершенной конкуренции, вели себя так же, как при наличии конкуренции.

Подытоживая, можно сказать, что, подобно главному направлению неоклассической экономической теории, Ойкен сосредоточивает свою концепцию рынка вокруг проблемы оптимального размещения благ и ресурсов. От того, что в литературе метко определяется как “институциональная нейтральность” неоклассической теории, его концепция коренным образом отличается тем, что выдвигает на первый план проблематику конкурентного экономического порядка. Существование такого порядка в понимании этого ордолиберального ученого является в то же время необходимым и достаточным условием для оптимизации рыночного размещения.

Эрхард как представитель социального ордолиберализма

Людвиг Эрхард многократно подчеркивал, что только в условиях существования рыночной конкуренции отношения между ценами благ и ресурсов правильно информируют производителей и покупателей. Он считает также необходимым, чтобы они реализовали задачу передачи рыночным субъектам информации о существующих отношениях редкостей (Erhard 1962, s. 202-203). Л. Эрхард придерживался мнения, что в рыночной экономике, взятой в рам-

ки хозяйственного порядка социальной рыночной экономики, приспособление друг к другу агрегированных потоков предложения и спроса происходит, как правило, автоматически (Erhard 1962, s.16).

Рыночная конкуренция, по его мнению, должна обеспечить не только равновесие агрегированных объемов предложения и спроса, но и точное приспособление структуры предложения к структуре спроса на отдельных рынках. Формулируя эту мысль по-другому, ее главная задача – способствовать приспособлению структуры и качества предложения к требованиям покупателей: “Я всегда старался выразить то, что в моих представлениях о функционировании экономики существует лишь один критерий оценки, то есть покупатель. Существует лишь один судья, принимающий решение о том, что хорошо и что плохо в экономике, что полезно и что бесполезно. Это всегда покупатель” (Erhard 1962, s. 17).

В рыночной конкуренции Л. Эрхард усматривал не только средство действия, ведущее прямо к цели, которой является приспособление структуры и качества рыночного предложения к требованиям потребителей. Косвенно он считал его способом организации социального процесса хозяйствования, ведущего к благосостоянию для всех. “Благосостояние для всех и благосостояние через конкуренцию представляют одно целое. Первый постулат характеризует цель хозяйствования, в то время как второй – путь, ведущий к этой цели” (Erhard 1962, s. 9).

В этом контексте существенно, что Л. Эрхард характеризовал материальную цель хозяйствования как “Благосостояние для всех”: “Мне хотелось бы рассеять всевозможные сомнения относительно того, что я стремлюсь к формированию такого экономического порядка, который обеспечил бы благосостояние все более широким слоям нашего общества. Отправной точкой этого является желание, чтобы путем обеспечения широким массам соответствующей покупательной силы окончательно преодолеть характерную для прошлого консервативную социальную структуру общества. Эта иерархическая структура характеризовалась, с одной стороны, наличием немногочисленного высшего слоя, могущего позволить себе на удовлетворение почти любого потребительского желания, а, с другой стороны, существованием многочисленного пролетарского слоя, располагающего недостаточной покупательной силой. Формирование в нашей стране нового экономического порядка должно создать предпосылки к тому, чтобы, наконец, удалось преодолеть такое положение вещей, тормозящее прогресс, и вместе с тем – антагонизмы между бедными и богатыми” (Erhard 1964, s. 7).

Трактовка Эрхардом материальной задачи экономики лишь частично совпадает с постулируемой Ойкеном оптимизацией размещения благ и ресурсов. Это связано с несколькими факторами. С одной стороны, Эрхард признавал оптимальное размещение благ и ресурсов, имплицитное в концепции Ойкена о ключевой роли ценового механизма в экономике, правда, необходимым, но

еще недостаточным условием для реализации “Благосостояния для всех”. Так как оптимизация размещения посредством цен касается текущих потоков благ и ресурсов, оставляя вне сферы заинтересованности исследователей дифференциацию доходов. Проблему отношений между оптимальным общеэкономическим размещением и распределением доходов отметил также Ойкен. Однако дифференциация доходов интерпретируется им как объективный фактор, то есть параметр, данный извне. Из этого вытекает его спорный тезис, согласно которому размещение, совершающееся посредством механизма равновесия рыночных цен, всегда является рациональным при существующей в обществе данной дифференциации доходов (Eucken 2005, s. 81). В отличие от этого Эрхард не одобряет существующего в этой области status quo. Он подчеркивает, что целью социальной политики рыночной экономики является преодоление характерной для прошлого структуры распределения доходов.

Кроме того, охватывая понятием благосостояния имущественную субстанцию, Эрхард выходит за предмет заинтересованности Ойкена, сосредоточивающегося на текущем размещении. В результате Эрхард придает материальной задаче экономики более долгий временной горизонт, чем кратковременная оптимизация размещения. С перспективы Эрхарда реализация долгосрочной цели “Благосостояния для всех” требует, наряду с оптимизацией текущего размещения благ и ресурсов, также ограничения существующих различий в величине доходов и имеющейся имущественной субстанции (Erhard 1964, s. 7). Хотя Эрхард никогда не сформулировал этого эксплицитно, из совокупности его взглядов косвенно вытекает гипотеза, согласно которой в экономике существует определенный порог доходных и имущественных неравенств, за который в принципе не следует выходить.

Эрхард был решительным сторонником конкурентной рыночной экономики как наилучшего из всевозможных способов организации социального процесса производства. Однако его концепция экономической политики гарантировала более эффективное, чем у Ойкена, предохранение от вытекающей из “творческой деструкции” Йозефа Шумпетера тенденции к исключению из рынка более слабых единиц, а также от глубокой доходной и имущественной дифференциации общества. Из табл. 1 следует, что созданная им концепция экономической политики не ограничивается косвенным воздействием на индивидов путем рационализации поведения микроэкономических субъектов. Наряду с этим, она предполагает непосредственное рационализирующее воздействие политики формирования экономического порядка на человеческое поведение. Сформулированные Эрхардом правила политики хозяйственного порядка социальной рыночной экономики были направлены на укрепление материальной позиции и материальных шансов конкурирования более слабых индивидов в процессе хозяйствования.

Представляется целесообразным напомнить некоторые аргументы, вытекающие из реализации экономической политикой правил порядка социальной рыночной экономики. Во-первых, обеспечение стабильности стоимости денег способствует улучшению материальной позиции более слабых участников процесса хозяйствования, так как им не угрожают особенно трудные для более слабых экономически социальных слоев распределительные последствия неожиданного скачкообразного роста цен. Стабильность цен позволяет в более длительном периоде накапливать сбережения и планировать большие расходы и даже мероприятия инвестиционного характера.

Во-вторых, достижение состояния полной занятости избавляет более слабые единицы от бедствия безработицы и связанного с этим доходной и социальной деградации.⁴ В переговорах, касающихся условий труда и его оплаты, укрепляется позиция работников по отношению к работодателям. Последние не могут просто навязывать эти условия работополучателям.

В-третьих, диверсификация имущественной субстанции в обществе позволяет лучше пережить периоды ухудшения конъюнктуры или разных внутренних и внешних шоков, делая владельцев имущества независимыми – хотя лишь в некоторой степени – от постоянного притока текущих доходов от труда.

Наконец, в-четвертых, синергетические эффекты воздействия всех этих факторов способствуют выравниванию материальных шансов индивидов в рыночной конкуренции. Это может являться стимулом к перенятию более слабыми единицами ответственности за имеющуюся свободу принятия экономических решений. Формирование и распространение позиций ответственности среди хозяйствующих индивидов способствует, в свою очередь, укреплению и стабилизации их свободы.

Однако понимаемое таким образом идеальное состояние в преобладающем большинстве не вполне соответствует действительности экономической жизни. Так как имплементация правил социальной рыночной экономики в экономическую политику может лишь частично защитить работополучателей от “творческой деструкции” и ее дифференцирующих общество последствий. По сути дела Эрхард был заинтересован в том, чтобы с социально отрицательными тенденциями, вытекающими из логики функционирования конкурентной рыночной экономики, сталкивались не слабые, абсолютно зависимые от владельцев капитала и земли работополучатели, живущие изо дня в день без сбережений и имущества и постоянно опасаящиеся потерять рабочее место как единственный источник содержания. Он имел в виду совершенно иной образ хозяйствующего человека: “Моим идеалом является сильная личность, позволя-

.....
⁴ Здесь речь идёт о достижении состояния полной занятости или, по крайней мере, о большом приближении к нему в соответствии с логикой функционирования рыночной экономики, а не путем краткосрочных действий экономической политики, направленных на создание т.н. “второго” рынка труда и т.п.

ющая человеку сказать: Я хочу проверить себя в жизни, опираясь на собственные силы, сам нести риск моего существования и ответственность за свою судьбу. Тебе же, государство, нужно позаботиться о том, чтобы я был в состоянии это сделать (Erhard 1964 s. 251)". Приближение к этому идеалу путем большей инициативы и способности людей приспосабливаться к все новым комбинациям факторов производства ослабляло бы действие тенденции к исключению из рынка более слабых единиц, а также к углублению доходных и имущественных различий в обществе. Следовательно, такой тип хозяйствующего индивида имел бы большие, чем типичный пролетарий, не только формальные, но и материальные шансы конкурирования с другими.

Путем прямого рационализирующего воздействия политики формирования экономического порядка на поведение индивидов концепция Эрхарда не настраивается, прежде всего, на их защиту – путем исправления рыночного распределения доходов – от признанных отрицательными социальных последствий функционирования конкурентного рынка. Наоборот, эта концепция склоняет к приспособлению их экономического поведения к логике функционирования рынка. Это концептуальная альтернатива в отношении традиционной и до сих пор наиболее распространенной в мировом масштабе социальной политики. Выдвигая на первый план корректировку рыночного распределения доходов как основной метод действия еще с конца XIX века, социальная политика всегда стоит перед трудной дилеммой. Корректируя рыночное распределение доходов, она вынуждена применять инструментарий, ослабляющий логику функционирования конкурентного рынка, помимо того, что это угрожает снижением продуктивности экономики. Таким образом, вследствие расширения социальной сферы сужаются материальные возможности реализации политики ассигнований на социальное обеспечение. В свою очередь, соответствующее логике концепции Эрхарда ограничение социальной сферы в результате роста благосостояния общества в целом расширяет материальные возможности реализации политики ассигнований на социальное обеспечение для лиц, которые действительно в них нуждаются.

Заключение

Современный кризис международных финансовых рынков и вызванная им экономическая рецессия мирового масштаба со всей остротой поставили во главу угла проблему общеобязывающих правил игры и ответственности хозяйственных субъектов и индивидов за свободу выбора экономических альтернатив. Крайне неблагоприятное развитие ситуации в мировой экономике склонило или даже заставило экономистов и политиков более интенсивно думать и углублять дискуссию по этим вопросам. Однако проблема правил экономической игры и ответственности за свободу хозяйствования носит в рыночной экономике сверхвременной характер как и, например,

редкость ценностей и ресурсов или оптимизация их размещения. Многие высказывания, прямо или косвенно относящиеся к этой проблеме, можно найти в опубликованной еще в 1759 году “Теории нравственных чувств” А. Смита. Также другие классики английской политической экономии высказывались на эту тему в XVIII-XIX веках. Учитывая факт, что как В. Ойкен, так и Л. Эрхард часто ссылались на научные достижения английских классиков либерализма и экономики, становится понятным, что вышеупомянутые вопросы не были им чужды, наоборот, их исследовательские усилия сосредоточивались вокруг них.

Правда, в последние десятилетия XX века напор монетаризма и экономики предложения вытеснил доминирующее раньше кейнсианство, но на рубеже XX и XXI веков начали проявляться все большие слабости неолиберального образа мышления о хозяйствовании. В связи с этим в научных дискуссиях все чаще появлялся тезис о прогрессирующей эрозии неолиберальной доктрины как теоретической основы концепции экономической политики в рыночных экономиках. Эта доктрина подвергалась критике не только в Польше, но и в Западной Европе, и в англосаксонском мире как непригодная для решения проблем экономической политики в современном мире. В последнем случае можно указать на широко известные публикации Джорджа Сороса (George Soros), Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz), Пола Кругмана (Paul Krugman), а в последние годы также Джеффри Сакса (Jeffrey Sachs).

Концептуальная пустота, возникающая в результате постепенного отхода науки от неолиберальной доктрины, была в значительной степени заполнена прагматизмом и эклектизмом. В практике экономической политики отдельных стран или их групп (например, Европейского Союза) часто наблюдаются ссылки на разные и многообразные концепции экономической политики в зависимости от актуальных задач политики, конкретных условий ее деятельности и, прежде всего, от интересов политиков, а также зачастую стоящих за ними формальных и неформальных групп интересов. Эта экономическая политика определяется в литературе как дискреционная, реагирующая почти всегда *ex post* на появляющиеся более или менее существенные проблемы и дисфункции в функционировании капиталистической рыночной экономики. Эта политика имеет короткий временной горизонт и сосредоточивает внимание на задачах и средствах их реализации в отдельных функциональных фрагментах рыночного процесса хозяйствования (например, межбанковские кредиты) или его секторных или отраслевых сферах (например, модернизационные инвестиции в машиностроительной промышленности или в инфраструктуре). Такого рода фрагментарные действия экономической политики реализуются независимо друг от друга. Как правило, им недостает взаимной приспособленности, что не всегда, но часто сопровождается отсутствием их сплочения и даже исключением друг друга.

Неизбежным последствием доминирования прагматизма, эклектизма и дискреционализма в экономической политике является от-

клонение от принципов, что подтверждается историческим опытом. Политика такого рода, состоящая в большинстве случаев из изолированных друг от друга действий, направленных на решение отдельных фрагментарных и, как правило, злободневных проблем и дисфункций, сосредоточивается на деталях, причем утрачивает единство, последовательность и самое главное, эффективность. В результате отсутствия ее внутреннего единства решение одних фрагментарных проблем способствует возникновению новых трудностей и осложнений в других фрагментах рыночного процесса хозяйствования. Из этого, в свою очередь, вытекает необходимость дальнейших текущих и фрагментарных вмешательств государства в процесс хозяйствования. Можно даже констатировать, что такого рода экономическая политика государства, ввиду своей неэффективности и многочисленных дисфункций, сама по себе репродуцирует социальную потребность в его деятельности. Парадоксально, кажется, здесь функционирует известное правило: “Чем хуже, тем лучше”. К дальнейшим последствиям доминирования прагматизма, эклектизма и дискреционализма в экономической политике следует отнести постепенное расширение объема и количества вмешательств органов государственной власти в ход рыночного процесса хозяйствования. В результате государственных органов неизбежно сталкиваются с проблемой нарастающей комплексности все большего количества стоящих перед ними задач и разных средств их реализации.

Чтобы справиться с нарастающей комплексностью задач и средств экономической политики, органы государственной власти вынуждены предпринимать усилия, направленные на ее сокращение. Учитываются следующие опции: во-первых, в данном конкретном случае сужение объема вмешательств и ограничение количества применяемых инструментов и, во-вторых, использование в процессе принятия решений информации, доставляемой органам государственной власти хозяйственными субъектами и индивидами. В итоге это ведет к дальнейшему расширению сферы вмешательства государства в процесс хозяйствования через их почти инфляционно нарастающее количество, а также к растущей зависимости его органов от интересов отдельных экономических субъектов и сильных индивидов. В. Ойкен пользовался понятием “Wirtschaftsstaat” в отношении государства, запутанного в процесс хозяйствования из-за широкого объема единичных вмешательств. Это приблизительно означает государство, зависящее от экономики и только с виду сильное в связи с широким применением интервенционизма. Но на самом деле оно подвергается нажиму со стороны экономики и находится на ее услугах (Eucken 1997). Карл Маркс определял такое государство менее элегантно и более метко как “исполнительный комитет” или же “агент” класса капиталистов.

Со стороны кейнсианства или же неолиберализма от лишенной концептуального фундамента прагматической экономической политики последних лет трудно ожидать ценного вклада в формирование общедействующих правил экономической игры, а также ответствен-

ности индивидов за имеющуюся свободу хозяйствования. Это особенно ярко проявилось в активных в глобальном масштабе финансовых институтах. Среди банкиров на Уолл-Стрит в последние годы распространилась поговорка: “Правила существуют лишь для глупцов”. Такое отношение к правилам экономической игры и их обзыванию сопровождалось отсутствием ответственности за имеющуюся свободу. Бывший канцлер Федеративной Республики Германия и экономический публицист еженедельника “Die Zeit” Гельмут Шмидт высказался о безответственности менеджеров международных финансовых институтов следующим образом: “Прежде всего в Нью-Йорке и Лондоне мы имеем дело с комбинацией высокой интеллигенции с математическими способностями, экстремальным эгоизмом и желанием обогатиться при одновременном отсутствии какого-либо чувства ответственности. Эту болезнь можно определить как неодолимую жажду обладания” (Die Zeit 2009).

Другие, гораздо более обнадеживающие возможности предлагает в этой сфере ордолиберальная концепция экономической политики. Так же, как неолиберальная экономическая мысль, эта концепция основывается в последней инстанции на идее А. Смита о саморегуляции и эффективности функционирования рыночного механизма. Помимо этого сходства с монетаризмом М. Фридмана, а также с экономикой предложения, ордолиберальная мысль отличается от неолиберализма тем, что она выдвигает на первый план фундаментальный вопрос экономического порядка и политики его формирования как центрального предмета исследований. Саморегуляция и эффективность функционирования рынка в ордолиберальной концепции обеспечиваются только при условии, что экономической политике государства удастся сформировать рыночный хозяйственный порядок в соответствии с принципами, сформулированными В. Ойкеном и Л. Эрхардом. При этом государство “самоограничивается” в политике формирования экономического порядка, оставляя ход рыночного процесса хозяйствования действию принципа *laissez-faire*.

Непосредственные интервенции государства в ход процесса хозяйствования допускаются только в экстремальных ситуациях, вызванных внешними и внутренними шоками, которые невозможно или очень трудно предусмотреть. Являясь с точки зрения ордолиберализма *ultima ratio*, они должны соответствовать логике функционирования рынка (Rörke 1979, s. 259). Такого рода далеко идущая сдержанность государства в сфере непосредственного вмешательства в ход рыночного процесса хозяйствования должна позволить органам власти относиться нейтрально и с соответствующей дистанцией к разным группам экономических интересов и представляющим их лицам. Стоит здесь напомнить известную поговорку бывшего президента Франции Шарля де Голля, многократно отмечавшего, что власть должна быть одинокой.

Политическая власть, исходящая из принципа рыночной саморегуляции и ее эффективности, может лишь косвенно оказывать влияние на ход процесса хозяйствования. При этом она имеет в своем рас-

поряжении формирование общеобязывающих правил экономической игры, а также воздействие на поведение людей, направленное на распространение чувства ответственности за имеющуюся свободу. Без политики формирования экономического порядка государство было бы вынуждено отступить на рекомендуемую А. Смитом лессеферистскую (*laissez-faire*) позицию ночного сторожа, не проявляющего интереса к функционированию экономики и ее результатам. В отношении к экономическому порядку это означало бы, что принимается спорный тезис Фридриха Августа фон Хайека о “спонтанном порядке”, эволюционно формирующемся в длительном историческом процессе. Для ордолиберализма это было бы равнозначно с тем, что он противоречит самому себе, так как его фундаментальной идеей и вкладом в науку экономии является рационально сформированный на базе ордолиберальной теории “установленный порядок”.

Комплексная и однородная ордолиберальная концепция экономической политики В. Ойкена и Л. Эрхарда касается формирования рыночного экономического порядка, воздействующего на ход процесса хозяйствования в измерении как макроэкономическом, собственно микроэкономическом (предприятия и домохозяйства), так и отдельных индивидов и их хозяйственных способов поведения (см. табл. 1). В микроэкономическом измерении она направлена на формулирование правил игры конкурентного экономического порядка, обязывающих всех без исключения рыночных субъектов. В измерении индивидов эта концепция параллельно стремится к формулировке обязывающих их правил игры, а также распространению их ответственности за имеющуюся свободу. При этом она исходит из предположения, что индивиды, ответственные за имеющуюся свободу, сумеют в большой мере самостоятельно определить сферу своей свободы хозяйствования так, чтобы не навредить себе, своей социальной группе и существующему экономическому порядку, то есть косвенно и обществу в целом. Индивиды, ответственные за свободу, были бы фактором, стабилизирующим существующий хозяйственный порядок, а не силой, толкающей экономику и общества в направлении его противоположности, то есть к анархии и хаосу. Последняя тенденция проявилась с огромной силой на международных финансовых рынках в 2007-2008 годах со всеми общеизвестными последствиями финансового хаоса для сферы реальной мировой экономики.

Отсутствие обязывающих правил экономической игры для международных финансовых рынков и активных на них финансовых институтов, а в случаях их наличия – нежелание соблюдать их в сочетании с отсутствием ответственности за фактически почти ничем не ограниченную свободу принятия решений стали причинами нынешнего глобального кризиса в сфере финансов и реальной экономики. Ордолиберальная концепция экономической политики со своим упором на формирование правил экономической игры и распространение ответственности за свободу предлагает средства, позволяющие в длительном периоде преодолеть нынешние трудности, а также предотвратить их в будущем. В том, что эта концепция за исключением

1948-1966 годов в Западной Германии еще нигде не нашла практического применения, можно усматривать известный шанс на будущее. В этом контексте стоит напомнить восходящую ко второй половине IV века до нашей эры мысль выдающегося оратора и политика древней Греции Демосфена. Он адресовал свои слова находившимся в кризисной ситуации жителям Афин: “То, что в прошлом было для нас самым вредным, окажется для нас в будущем самым полезным. Почему? Потому, что вы до сих пор не сделали ровно ничего, что на самом деле было необходимо... Однако, если бы вы все это сделали и, несмотря на это, ситуация была бы такой плохой, как ныне, мы бы уже не надеялись на ее улучшение” (Eucken 1999, с. 17).

Источники и литература:

1. Altmann, Jörn (2000). “*Wirtschaftspolitik*”. 7 Auflage. Stuttgart: Lucius & Lucius.
2. Balcerowicz, Leszek (2009). “Der innere Feind”. *Financial Times Deutschland*, 08.04.2009.
3. Böhm, Franz (1980). “Freiheit und Ordnung in der Marktwirtschaft”. Baden-Baden: Nomos Verlag.
4. *Brockhaus Enzyklopädie* (1989). “Hegel”. Band 9. Mannheim, s. 592-593.
5. Clausen, Sven und Zöttl, Ines (2009). “America forever”. *Financial Times Deutschland*, 30.01.2009.
6. *Die Zeit* (2009). “Wie entkommen wir der Depressionsfalle?”. Nr.4.
7. Erhard, Ludwig (1962). “Zehn Thesen zur Verteidigung der Kartellverbotsgesetzgebung”. *Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Weg der Sozialen Marktwirtschaft*. Düsseldorf, Wien: Econ und Knapp Verlag.
8. Erhard, Ludwig (1964). “*Wohlstand für Alle*”, 8 Auflage. Düsseldorf, Wien: Econ Verlag.
9. Erhard, Ludwig (1988). “Franz Oppenheimer, dem Lehrer und Freund”, in K. Hohmann (red), “*Gedanken aus fünf Jahrzehnten*”. Düsseldorf, Wien, New York: Econ Verlag.
10. Eucken, Walter (1989). “*Grundlagen der Nationalökonomie*”, 9 Auflage. Berlin, Heidelberg, New York, London, Paris, Tokyo, Hong Kong: Springer Verlag.
11. Eucken, Walter (1997). “Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus”. *Ordo Jahrbuch für die Ordnung der Wirtschaft und Gesellschaft*. Band 48. Stuttgart: Lucius & Lucius.
12. Eucken, Walter (1999). “*Ordnungspolitik*”, in W. Oswald (red). Münster, Hamburg, London: LIT Verlag.
13. Eucken, Walter (2004). “*Grundsätze der Wirtschaftspolitik*”. 7 Auflage. Tübingen: Mohr Siebeck.
14. Eucken, Walter (2005). “*Nationalökonomie wozu?*”. 5 Auflage. Stuttgart: Klett-Cotta.
15. Gutmann, Gernot (1998). “Ideengeschichtliche Wurzeln der Konzeption der Sozialen Marktwirtschaft” in *50 Jahre der Sozialen*

- Marktwirtschaft – Ordnungspolitische Grundlagen, Realisierungsprobleme und Zukunftsperspektiven einer wirtschaftspolitischen Konzeption*, Stuttgart: Lucius & Lucius.
16. Hayek, Friedrich August von (1976). *“Individualismus und wirtschaftliche Ordnung”*. 2 Auflage. Salzburg.
 17. Lange, Oskar (1959). *“Ekonomia polityczna”*. T. I: *“Zagadnienia ogólne”*. Warszawa, PWN.
 18. Lenel, Hans Otto (1989). *“Walter Eucken (1891-1950)”*, in Joachim Starbatty (red), *“Klassiker des ökonomischen Denkens”*. Band II. München: Verlag C. H. Beck.
 19. Lippmann, Walter (1945). *“Die Gesellschaft freier Menschen”*. Bern: A. Francke AG.
 20. Mankiw, Gregory und Taylor, Mark (2008). *“Grundzüge der Volkswirtschaftslehre”*. 4 Auflage. Stuttgart: Schäffer-Poeschel Verlag.
 21. Röpke, Wilhelm (1979). *“Die Gesellschaftskrisis der Gegenwart”*, 6 Auflage. Bern, Stuttgart: Verlag Paul Haupt.
 22. Röpke, Wilhelm (1981). *“Richtpunkte des liberalen Programms”*, in W. Stuetzel, C. Watrin, H. Willgerodt, K. Hohmann (red), *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft – Zeugnisse aus zweihundert Jahren ordnungspolitischer Diskussion*. Stuttgart, New York.
 23. Streit, Manfred und Kasper, Wolfgang (1995). *“Das institutionelle Fundament von Freiheit und Wohlstand – Lektionen der „Freiburger Schule“*, in Manfred Streit (red), *Freiburger Beiträge zur Ordnungsökonomik*. Tübingen.
 24. Tinbergen, Jan (1978). *“Economic Policy. Principle and Design”*. Amsterdam, New York, Oxford.
 25. Vanberg, Viktor (2002). *“F.A. Hayek und die Freiburger Schule”*. *Freiburger Diskussionspapiere zur Ordnungsökonomik*, Nr. 1. Freiburg.
 26. Von Jung, Alexander und Hornig, Frank (2005). *“Der Markt hat kein Herz”*. *Spiegel Special* 7. URL (zuletzt überprüft 14 Juni 2014). <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-43163676.html>

КОНЦЕПЦИЯ ОРДОЛИБЕРАЛИЗМА И КАТОЛИЧЕСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Константин Голубев

Доктор экономических наук,
кандидат богословия, профессор Белорусского
государственного экономического
университета (Минск, Беларусь)
e-mail: gkiz@yandex.ru

Сергей Лукин

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного
менеджмента Белорусского государственного
университета (Минск, Беларусь)
e-mail: lukin@sbmt.by

Рецензент: Петр Лемещенко, доктор экономических наук, профессор
Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь)

Статья получена 15 октября 2014, принята к публикации 20 ноября 2014

Аннотация

В статье сравниваются основания подхода теории ордолиберализма и католического социального учения к важнейшим социально-экономическим вопросам. При этом подчеркивается, что для обоих подходов одним из существенных моментов является первостепенная важность идеи ответственной свободы личности. В этой связи большое внимание уделяется сочетанию принципа субсидиарности как одного из оснований католического социального учения и идеи Вальтера Ойкена о взаимозависимости порядков в обществе. Особо отмечается сходство католического социального учения и теории ордолиберализма в их критическом отношении как к марксизму, так и к классическому либерализму.

Ключевые слова: Ордолиберализм, католическое социальное учение, Ойкен, Эрхард, энциклика, конкуренция, порядок.

Введение

Религиозные и мировоззренческие убеждения создателей теорий общественного развития, а также тех, кто стремится реализовать те или иные их положения в реальной жизни, во многом определяют содержание этих концепций, так и строящиеся на их основе конкретные социально-экономические программы. В спектре социально-экономических учений ближайшим соседом ордолиберализма (Фрайбургской школы) и концепции социального рыночного хозяйства (СРХ) является экономический блок католического социального учения (КСУ).

Теорию ордолиберализма и концепцию социального рыночного хозяйства создавали люди, которые были воспитаны в традиционных ка-

* Более ранняя версия текста была опубликована в журнале "Христианское чтение" № 4, 2010 под названием "Теория ордолиберализма и католическое социальное учение: некоторые параллели". Настоящий текст представляет собой измененную и дополненную версию указанной статьи.

толических или лютеранских семьях, относящихся к различным слоям общества. И хотя как Вальтер Ойкен и ордолибералы, так и Людвиг Эрхард и его последователи не акцентировали внимания на своих религиозных убеждениях, они проявились в выдвинутой ими доктрине. Лидер же политической силы, взявшей на вооружение их идеи, Конрад Аденауэр часто подчеркивал, что он строит свою деятельность на твердом основании христианского учения. Стоит отметить, что спустя весьма незначительный период времени разработчики Европейской Конституции не сочли необходимым даже упомянуть о христианских идейных основаниях европейской интеграции. Это свидетельство серьезного идейного перерождения, произошедшего за столь небольшой период.

Следует также отметить, что среди наиболее выдающихся представителей католического социального учения есть те, кто получал образование в недрах Фрайбургской школы. Так, кардинал Йозеф Хёффнер за исследования в области социальной истории и социальной этики получил в 1938 году во Фрайбурге степень доктора теологии. Его экономические исследования увенчались завершением в том же университете в 1940 году диссертации, выполненной под научным руководством основателя ордолиберализма Вальтера Ойкена. Заметим, что до этого он в 1929 году получил ученую степень доктора философии, а в 1934 году защитил докторскую диссертацию по теологии на тему: “Социальная справедливость и социальная любовь” в Папском университете Григориана в Риме. Наконец, в 1944 году он защитил также во Фрайбурге диссертацию по теологии морали на тему: “Христианство и человеческое достоинство. Задачи испанской колониальной этики в Золотом веке”.

С ордолиберализмом связывают как научную подготовку почвы для “экономического чуда” (позволившего вывести Германию после 1945 года из состояния обнищания распадавшейся плановой экономики), так и создание современного социального рыночного хозяйства Германии. Возникновение “Фрайбургской школы” (ордолиберализма) относится к началу 1930-х годов и ассоциируется кроме Вальтера Ойкена с экономистом Леонардом Микшем (Leonhard Miksch), юристом Францем Бёмом (Franz Böhm), экономистом Вильгельмом Рёпке (Wilhelm Röpkе), социологом Александром Рюстовым (Alexander Rüstow) и др. (Цинн 1994, с. 29).

Философские корни ордолиберализма

В социальной философии В. Ойкен во многом проявил себя приверженцем Иммануила Канта. Одним из базовых оснований его концепции является идея Канта об ограничении государством абсолютной свободы естественного состояния (*status naturalis*) с помощью законов (в рамках которых отдельно взятый человек был бы защищен от произвола других), что сделало бы возможным мирное гражданское сосуществование (*status civilis*), позволяющее людям развивать свои способности (Ойкен 1995, с. 108; Кант 1966b, с. 161, 225). Важнейшей идеей

Канта, на которую ссылался Ойкен, является требование действовать в соответствии с фундаментальным моральным принципом “использовать человека во всякое время как цель”, а “не просто как средство” (Кант 1966b, с. 269-270). В этой связи среди недостатков экономической политики централизованного управления Ойкен отмечал ограничение как свободы руководителей предприятий, так и свободы рабочих. Ибо в этом случае вместо определения границ сферы свобод с таким расчетом, чтобы сфера свобод одних (например, работодателей) не ущемляла сферу свобод других (рабочих), обе эти сферы свобод уменьшаются, оказавшись в подчинении третьего фактора (центральных плановых органов). А так как последние подчиняют центральным плановым целям повседневную хозяйственную жизнь, то люди как раз и превращаются в средство достижения цели (Ойкен 1995, с. 191).

В. Ойкен, опираясь на подход И. Канта (“метафизической помехой любой морали является отказ от свободы”), считал, что “только свободное решение делает возможным познание и претворение в жизнь обязывающего морально-ценностного порядка”. Таким образом, предполагалось осуществить “свободный естественный богоугодный порядок”, в рамках которого человек не имеет права упразднить ни свою собственную свободу, ни свободы других. Таким образом, правильно понятая свобода, гуманизм и право в подходе В. Ойкена являются частями единого целого и неразрывно связаны между собой (Ойкен 1995, с. 249-251).

Соответственно, при формировании социального рыночного хозяйства Германии принималось во внимание, что политический, государственный, правовой и экономический порядок взаимно обуславливают друг друга и являются различными измерениями и компонентами единого жизненного порядка. Формирование “экономического порядка” стало одной из основных задач в системе хозяйствования в Германии. В этом случае под экономическим порядком принято понимать совокупность всех правил, касающихся организационного строения народного хозяйства и происходящих в нем процессов, а также совокупность учреждений, ответственных за руководство экономикой, управление ею и придание экономике определенной организационной формы (Ламперт 1994, с. 6).

Таким образом, в ордолиберализме полная конкуренция предполагает существование экономики максимально возможного разделения экономической власти, корреспондирующей с разделением властей в демократическом правовом государстве. Соответственно, если классическое понимание разделения властей означает разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, то Ойкен, обобщив это социальное изобретение современности, отнес его еще и к совокупному экономическому и государственному порядку, назвав этот подход “интерденденцией порядков” (Ойкен 1995, с. 35-38, 253, 394, 425).

Отмечая положительные стороны и ошибки политики *laissez-faire* (которая предполагает стимулировать общий интерес в условиях свободного проявления индивидуального интереса, но не в состоянии при помощи рыночной “невидимой руки” создать формы, позволяющие со-

гласовать индивидуальный и общий интересы), В. Ойкен признает свое соприкосновение с идеями, которые Кант развил с совершенно другой стороны в своем учении о праве и государстве. Это соприкосновение он видел в том, что задача государства заключается в поиске формы, в рамках которой возможно совместное проживание в сообществе и которая предоставляет по возможности наибольший простор для свободного расцвета индивидуальных сил. Соответственно, абсолютная свобода естественного состояния должна быть ограничена законами, защищающими отдельно взятого человека от произвола других, однако, с другой стороны, свободная деятельность многих отдельно взятых людей, соревнующихся между собой, должна двигать общество вперед (Ойкен 1995, с. 455).

В данном контексте заслуживает внимания полемика по этим вопросам И. Канта (1994, с. 38-63) и И.Г. Гердера (1977, с. 644-645). По Канту, подлинный мир на Земле возможен только путем соглашения. Кант обосновывает идею союза народов, целью которого должно быть обеспечение свободы каждого государства и всеобщего мира. Предполагается, что договаривающиеся стороны, в частности, обязуются: не использовать государственные долги для внешнеполитических дел; устранить возможные поводы к войне; упразднить со временем постоянные армии; уважать суверенные права всех государств; не прибегать к приемам борьбы, подрывающим доверие (Кант 1966а, с. 257-265, 1966, с. 5-24).

В свою очередь, Гердер делал упор на перевоспитание людей: «Цель нашего земного существования заключается в воспитании гуманности, а все низкие жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней. Все нужно воспитывать: разумная способность должна стать разумом, тонкие чувства – искусством, влечения – благородной свободой и красотой, побудительные силы – человеколюбием...» (Гердер 1977, с. 131). Фактически Гердер распространяет подход Лессинга к религии на историю, которая в данном случае предстает в виде целесообразного процесса, осуществляемого Богом. По словам Гердера, человек создан, чтобы усвоить дух гуманности и религии. Тогда как религия – это высшая гуманность человека (Гердер 1977, с. 106-107). Гуманность представляется целью человеческой природы, и ради достижения ее предал Бог судьбу человечества в руки самих людей. Если есть Бог в природе, то есть он и в истории, ибо и человек – часть творения, и, предаваясь своим диким и развратным страстям, он должен все же следовать законам не менее прекрасным и превосходным, чем те, по которым движутся все небесные и земные тела. Сама природа человека получила такой органический строй, который способствовал бы достижению именно этой очевидной цели – гуманности (Гердер 1977, с. 428). Гердер исходил из того, что если во всем творении мы любую вещь познаем по внутреннему существу ее и по ее следствиям, то доказательство цели человеческого рода на земле дают нам естество и история человека. Из анализа истории он сделал вывод, что все хорошее было ради гуманности, а все порочное было преступлением против духа гуманности, так что человек вообще не может представить себе никакой иной цели

всех своих земных устроений и установлений, кроме той, что заложена в нем самом, в его сотворенной Богом натуре (Гердер 1977, с. 429).

В качестве одного из путей осуществления данного направления развития Гердер (1977, с. 644-645) указывал на организацию совместной деятельности. Он считал, что именно гуманный дух (то есть разум и справедливость во всех классах, во всех занятиях людей) является основным состоянием истории человечества в целом, присущим ей в самых разных формах. “И притом состояние это основное не потому, что так захотелось какому-нибудь тирану, и не потому, что сила традиции переубедила всех людей, но таковы законы природы, и на них зиждется сущность человеческого рода” (Гердер 1977, с. 442). И даже самые порочные установления человечества, согласно такому подходу, не могли бы существовать, если бы в них не сохранялся “некий отблеск разума и справедливости” (Гердер 1977, с. 442).

Религиозный характер идеологий в XX веке

Критикуя основателя современной макроэкономики Джона Кейнса за его надежды на лучших людей, альтруистов, которые могли бы руководить органами самоуправления или профессиональными сословиями, Ойкен признавал, что во всех странах нет слоя руководителей, понимающих сущность конкурентного порядка и его роль в противостоянии тоталитаризму. Причем на практике ордолиберализм как раз был использован преимущественно в политических целях. В первые послевоенные годы ордолиберализм был частично поддержан представителями американских антитрестовских традиций в военной администрации, но столкнувшись с интересами промышленных группировок, переживших национал-социализм, ордолиберальные идеи в значительной мере не смогли найти воплощения.

В этом отношении интересны воззрения основателя ордолиберализма на проблемы перспектив создания идеальных социальных моделей. Основываясь на своем представлении о человеке, Ойкен признал невозможным достижение идеального состояния и принятие совершенных решений. В этом он опирался на понимание антропологии Кантом, предполагавшем, что из такого искривленного дерева, из которого сделан человек, нельзя смастерить ничего прямого, и лишь приближение к этой идее возложено на нас самой природой (Ойкен 1995, с. 404; Кант 1965, с. 48).

Одним из ключевых для понимания отличий социальной философии Ойкена служит его следующее замечание в отношении исторического материализма: “Ставя исторический процесс в центр внимания и превращая его в творца исторической действительности, позитивизм изначально заставляет исчезать отдельно взятого человека” (Ойкен 1995, с. 14, 459). При этом политика централизованно управляемой экономики в значительной мере подавляет индивидуальный интерес людей, находящихся под чьей-либо властью, но дает возможность буйно расцвести интересу руководящего слоя, располагающего властью. Общий же интерес не только не достигается, но и вообще остается в стороне.

Помимо этого централизованно управляемая экономика разрушает и другие порядки, прежде всего правовой порядок. С другой стороны спектра, политика *laissez-faire*, предполагающая развитие “свободного” рыночного хозяйства, действительно мобилизует силы индивидуального интереса с тем, чтобы стимулировать общий интерес. Однако она недооценивает опасности обращения индивидуального интереса против общего интереса.

Соответственно ордолибералами были выделены следующие основные формы регулирования экономики. На одной стороне спектра потенциально возможных экономических порядков находится централизованно управляемая экономика, в которой индивид максимально лишен гражданских прав и не обладает никаким влиянием. Прямой противоположностью ей является полная конкуренция, когда никто не располагает властью экономически регулировать деятельность другого лица и все постоянно согласовывают между собой проблемы производства через механизм цен. Между ними располагается еще один вид регулирования экономики – регулирование властными группировками.

История государств с рыночной экономикой продемонстрировала существенный шаг в направлении к концентрации власти. В то время как анализ недостатков централизованно управляемой экономики ордолибералами является стандартным для современных учебников, один из выводов остается незамеченным, а именно то, что существующие в индустриальных странах рыночные системы вовсе не отражают конкуренцию результатов. Они в значительной степени определяются как раз третьим типом порядка (регулированием экономики властными экономическими группировками) (Ойкен 1995, с. 27-30).

Особое внимание Ойкен обратил на то, что состязание идеологий в XX веке приобрело религиозный характер. В частности, вид борьбы вероучений приобрела борьба “социализма” и “капитализма”. В результате слова с весьма серьезным содержанием (такие как “свобода”, “справедливость”, “право”), стали употребляться как орудия борьбы и средства завоевания власти. Все группировки (и экономические, и политические) заявляя, что отстаивают свободу, права и гуманность, нуждаются в “идеологиях”. Идеологии, являющиеся орудиями борьбы за власть, на протяжении XIX и XX веков все больше и больше приобретали характер мировоззренческих “целебных” теорий. Вера во множественных богов, будучи вытесненной из сферы отношений человека к природе, распространила свое влияние в обществе и экономике. “Капитализм”, “империализм”, “марксизм” и т.д. стали восприниматься как исполинские фигуры или духи, которые управляют всей общественной жизнью и отдельным человеком. Тогда как разнообразные секуляризированные “целебные” учения все более упорно сталкиваются между собой (Ойкен 1995, с. 70).

Характерно, что папа Иоанн Павел II в энциклике “*Centesimus annus*” отметил, что политика может приобретать особую форму и становиться специфической “секулярной религией”. Связано это с тем, что, человек, созданный для свободы, несет в себе язву первородного греха. Соответственно человек нуждается в искуплении. Хотя человека

влечет к добру, но он способен на зло. Он может поступиться непосредственным интересом, и все же связан им. Социальный порядок будет тем прочнее, чем больше он учитывает этот факт, не противопоставляет интерес личности интересам общества, а стремится их сочетать плодотворно и гармонично. Если люди представляют себе, что раскрыли секрет совершенной социальной организации, в которой зло невозможно, они думают, что имеют право использовать любые средства, даже насилие и обман, чтобы воплотить все это в жизнь. Именно тогда политика приобретает особую форму и становится специфической “секулярной религией”, которая вообразила, что она строит рай на земле (John Paul II 1991).

Отношение Вальтера Ойкена к христианству

В связи с наличием ссылок очевидно знание Ойкеном содержания двух основных энциклик посвященных социальным вопросам, вышедших к тому времени (*Rerum novarum* и *Quadragesimo Anno*). В соответствии с ними одним из основных принципов формирования социальной жизни является принцип субсидиарности, согласно которому построение общества должно протекать в направлении снизу вверх. То есть то, что отдельные лица или группы могут совершить самостоятельно, они должны делать по свободной инициативе и с максимумом усилий. Государству же надлежит вмешиваться только там, где без его поддержки никак нельзя обойтись. В. Ойкен подчеркивал совместимость принципа субсидиарности с конкурентным порядком, ибо в условиях конкурентного порядка основной упор делается на развитии индивидуальных возможностей, причем деятельность государства ограничивается только такими задачами, которые не могут быть решены свободной игрой индивидуальных сил. То есть получается, что конкурентный порядок является тем единственным порядком, в котором принцип субсидиарности может проявиться в полной мере.

Объектом для критических замечаний В. Ойкена явились идеи в отношении сословных принципов организации общества, содержащиеся в некоторых заявлениях католической церкви (особенно в “*Quadragesimo Anno*”). В тоже время он не обвинял католическое социальное учение в экономизме и причины в меньшей степени видел в экономической области, но признавал стремление вновь социально обустроить нынешнего человека, оторванного от привычных жизненных устоев. При этом он говорил о несовместимости сословного государства и конкурентного порядка и необходимости четкого выбора между принципом субсидиарности и сословным принципом. В результате выбора принципа субсидиарности в качестве высшего социального принципа Католическая Церковь, по его мнению, сделала бы выбор и в пользу конкурентного порядка (Ойкен 1995, с. 440-442). Ойкен считал опасной определенное романтическое переосмысление средневековья. Междоусобная борьба сословий оказывалась забытой, и стала распространяться вера в predetermined harmony, в частности, в predetermined harmony сословий (Ойкен 1995, с. 216-217).

Представляется не точным понимание Ойкеном корпоративных идей, содержащихся в указанных энцикликах. В энциклике “*Reum novarum*” (1891) папа Лев XIII обратил внимание общества на особенности развития капитализма в конце XIX века. Так, после упразднения цехов (корпоративных организаций трудящихся) разъединенные рабочие оказались абсолютно не защищены от действий собственников, ростовщичества (которое неоднократно было осуждено Церковью) и жестокости конкуренции. Ситуация осложнялась тем, что общественные институты и законы все дальше удалялись от христианских ценностей. В результате сложилась ситуация, когда небольшое число богатых людей относилось к множеству бедных немногим лучше, чем в условиях рабства (Leo XIII 1891).

Тогда как, по замечанию энциклики, история действительно свидетельствует о ряде превосходных результатах ремесленных цехов, которые не только явились средством обеспечения интересов трудящихся, но и оказывали существенную помощь в совершенствовании мастерства. Как и говорится в Священном Писании: “Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его” (Еккл 4:9-11). Именно этот естественный импульс связывает людей вместе в гражданском обществе. Аналогично это ведет их к объединению в ассоциациях, которые тоже являются обществами, хотя небольшими и не в полной мере независимыми. Эти сообщества отличаются от полноценного гражданского общества различными целями. Гражданское общество существует для общего блага и обеспокоено интересами всех вообще, хотя учитывает интересы индивидуумов. Но сообщества, которые сформированы в рамках государства относятся к частным, так как их непосредственная цель – частные преимущества участников. Вступать в подобные сообщества является естественным правом человека, а государство обязано защитить естественные права (Leo XIII 1891). Однако энциклика подчеркивает, что в то время как закон провозглашает свободу ассоциаций, деятельность мирных и полезных католических обществ всячески осложняется, тогда как предельная свобода предоставлена индивидуумам, чьи цели пагубны для религии и опасны для государства (Leo XIII 1891).

Плюралистические и тоталитарные социально-экономические системы

В “*Quadragesimo anno*”, вышедшей к сорокалетию “*Reum novarum*”, развивались ее идеи. Проблемы либеральных социально-экономических систем, упраздняющих промежуточные общественные структуры между человеком и государством и оставляющих человека один на один с государством, стимулировали развитие идей о возрождении различных форм цехов и корпораций. При этом папа Пий XI в данной энциклике признает возможность существования большого разнообразия организационных форм корпоративного строя, а особо рассматривает

государственный корпоративизм, подчеркивая как его позитивные, так и негативные стороны (Pius XI 1931a).

Об актуальности этого анализа можно видеть из того насколько он совпал по времени с развитием фашизма. Соответственно, необходимо отметить наличие проблем, связанных с огосударствлением ассоциаций. В этой связи заслуживает внимания критика ряда аспектов фашизма в Италии в энциклике 1931 года “Non abbiamo bisogno”.

Энциклика указала, в частности, на государственное вмешательство в ряд сфер социальной жизни в Италии (включая монополизацию государством работы с молодежью) и подчеркнула недопустимость идеологии, считающей себя единственной истинной, а на самом деле представляющей реальное языческое поклонение государству – “statolatry”. Тогда как это противоречит естественному праву. Причем признается невозможным ограничение деятельности Церкви исключительно богослужением, ибо она имеет прямое отношение к различным сторонам жизни (Pius XI 1931).

К этим проблемам папа Пий XI вернулся в 1937 году в энциклике “Mit brennender Sorge”. В ней были рассмотрены некоторые проблемы Германии того периода. В частности, в энциклике подчеркивается значение естественного права и Богооткровенного закона, а также роль государства и предназначение общества Создателем для полного развития индивидуальных возможностей и совершенствования личности вне зависимости от расы и национальности. Соответственно никакие скрытые и открытые меры запугивания, угрозы экономических и гражданских санкций не должны стать причиной изменения такой позиции. Тем более никакие соблазны не должны поколебать членов Церкви, призванных последовать примеру Спасителя и сказать вместе с Ним: “...отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи” (Матф 4:10; Pius XI 1937a).

Показателен факт выхода в этом же году энциклики против атеистического коммунизма “Divini Redemptoris”, продемонстрировавшей, в частности, особенности огосударствления при социализме. Продолжая рассмотрение общей структуры экономической жизни (о чем шла речь в “Quadragesimo Anno”), энциклика отметила значение взаимодействия правосудия и милосердия в социально-экономических отношениях. Это может быть достигнуто в рамках организаций, созданных на христианских принципах, состоящих из представителей как одной, так и нескольких профессий. При этом в энциклике отмечается, что коммунизм более явно, чем подобные движения в прошлом, содержит ложную мессианскую идею. Вся его доктрина и деятельность пронизана псевдоидеалами правосудия, равенства и братства. Коммунизм, кроме того, лишает человека его свободы, отнимает у человеческой индивидуальности все ее достоинство и снимает моральные ограничения. Тогда как коммунисты утверждают, что открыли новую эру и новую цивилизацию, которая является результатом слепых эволюционных сил, достигающих высшей точки в гуманности без Бога (Pius XI 1937).

Интересно, что важность вхождения личности в различные сообщества корпоративного характера отмечал и весьма далекий от феодаль-

ной идеи сословного государства основатель теории интегрального гуманизма Жак Маритен. Причем это не помешало ему оказать значительное влияние на создание Всеобщей декларации прав человека, являясь председателем комитета ЮНЕСКО, в задачу которого входила подготовка проекта этой декларации. Тем более что одним из основных источников формирования социальной этики порядка как раз в состоянии стать профессиональные корпорации, которые могли бы инициировать выработку отраслевых кодексов поведения и создание систем контроля за их выполнением.

В теории, которую Маритен (1994, с. 52-134) назвал интегральным гуманизмом (или персонализмом), предполагается, что общество должно быть построено на основе иерархии труда, а не на власти денег или происхождении. Центральным моментом и высшей ценностью в этом обществе является человек. Соответственно, уважение к личности становится высшим велением общего блага, ибо общее благо требует уважать права личности, среди которых основная роль принадлежит естественному праву на свободу, понимаемую, как возможность выбора, автономию личности. Признание автономии личности предполагает помощь в ее развитии путем социализации, сознательного и добровольного вхождения ее в различные сообщества. Причем сообщества формируются из тех, кто по определенным мотивам (интеллектуальным, экономическим, корпоративным) стремится совместно достичь определенного блага. Как заметил Юзеф Майка (Jozef Majka) (1994, с. 344-345), это напоминает томистское определение сообщества.

В таком обществе могут быть органически объединены в целое разнородные социальные группировки и структуры, являющиеся воплощением и внешним выражением свободных человеческих стремлений. То есть при таком экономическом и политическом плюрализме в обществе существуют различные способы реализации поставленных целей, в той мере насколько они не вредят общему благу. В конечном итоге "... мировое государство должно обрести собственное политическое общество: это плюралистическое мировое политическое общество должно состоять не только из международных и наднациональных учреждений, которых требует мировое правительство, но также из самих отдельных политических обществ, с их собственной политической структурой и жизнью, их собственным национальным и культурным наследием, их разнообразными учреждениями и сообществами" (Маритен 2000, с. 191-192). При этом Маритен (2000, с. 192) считал желательным выработать новое понятие – "несовершенное политическое общество как часть некоего совершенного общества, которого не знали древние и в котором в силу самой его природы функции и качества, присущие самодостаточности, поделены между множеством отдельных политических обществ и центральным общим организмом". Заметим, что об отличиях частных сообществ от полноценного гражданского общества речь шла, как упоминалось ранее, в энциклике "Regum novarum" (Leo XIII 1891).

Одновременно Маритен подчеркивает требование служения общему благу, которое понимается как благо личности, всех человеческих личностей, составляющих эту общность. Это требование, в свою очередь,

означало бы, что властные органы, отвечая за рост и справедливое распределение общего блага, осуществляют служение ему. И, безусловно, общее благо должно соответствовать требованиям справедливости и нести в себе нравственное начало без чего социальные законы не могут быть признаваемы законами¹.

Также Маритен (2000, с. 137-172) выделял теистический характер общности, что означало признание существования Бога как цели, к которой устремлены отдельные граждане, и наличие высших, непреходящих духовных ценностей, утверждая достоинство личности и ее основные права. Хотя это не означало, что государство должно декларировать свою религиозность и требовать ее от граждан. Следует отметить влияние Маритена на католическую социальную мысль, а также и на интеллектуальную атмосферу в обществе в целом. В частности, имеется влияние идей Маритена на ряд наиболее значимых энциклик по социальным вопросам (Лобье 2001, с. 175, 187, 190), также общепризнан его значительный вклад в создание Всеобщей Декларации прав человека во время его работы в комитете ЮНЕСКО, готовившем проект этой декларации (Майка 1994, с. 345-346).

В определенной зависимости от Маритена находился Эммануэль Мунье (Emmanuel Mounier). Он с позиции христианского персонализма подверг критике индивидуализм, либерализм, фашизм. Весьма актуальной в свете экономического кризиса, имеющего место в настоящее время, представляется критика Мунье подхода к экономическим проблемам в условиях как рыночной, так и плановой экономики. Так, в капиталистическом хозяйстве произошло разделение между трудом и капиталом, между капиталом и ответственностью. В результате капитал стал паразитом на теле общества, обратился против труда, против потребителя, наконец, против личности.

Но и последовательный марксизм продемонстрировал, что он не находит в своей системе места человеку как личности. А так как марксистский гуманизм ничем не обеспечен в самой своей доктрине, то попытки создать концепцию гуманизма на основе марксизма не оправдались, и марксизм превратился в “духовный империализм коллективного человека”, “препятствующий развитию человеческой личности”. В качестве альтернативы была предложена персоналистская экономика, направленная на то, чтобы вернуть подлинный порядок вещей: прибыль должна быть поставлена в зависимость от производства, производство – от потребления, потребление – от потребностей, потребности – от этики, следовательно, от личности. В зависимости от поставленных целей структура персоналистской экономики должна быть плюралистична, в ней предполагалось сосуществование всех

.....
¹ “Политическое общество, в котором нуждается природа и которого достигает разум, есть самое совершенное из мирских обществ. Оно представляет собой непосредственную и полностью человеческую реальность, стремящуюся к непосредственному и полностью человеческому благу – общему благу... Справедливость является первичным условием существования политического общества, но согласие есть его жизнеутверждающая форма. Политическое общество стремится к подлинно человеческой и обретаемой в свободе общности” (Маритен 2000, с. 19).

форм хозяйственной деятельности (от регламентированного сектора до творческой инициативы отдельных людей) (Майка 1994, с. 347-351).

В целом можно отметить ряд сходных характеристик концепции социального рыночного хозяйства и католического социального учения.

Сходство взглядов на марксизм и ультралиберализм

Католическое социальное учение в его современном виде начало формироваться в конце XIX века. В 1891 году вышла первая энциклика, практически полностью посвященная этому вопросу, – “*Regum novarum*”. Наиболее влиятельными социальными теориями в то время были марксизм и либерализм. В “*Regum novarum*” католическая социальная мысль дистанцируется от них, обозначая путь, основанный на традиционных христианских ценностях. Следующим значительным документом в этой области явилась энциклика папы Пия XI “*Quadragesimo anno*”, приуроченная к сорокалетию “*Regum novarum*”. В ней папа Пий XI отмечал, что на основе идей энциклики “*Regum novarum*” сформировалось современное католическое социальное учение, оказавшее существенную помощь многим людям в понимании ложности как либеральных, так и коммунистических ценностей (Pius XI 1931a). Показательно, что папа Бенедикт XVI в первой же своей энциклике “*Deus caritas est*” обратил внимание на важность и особенности развития социальной концепции Церкви, начиная с 1891 года, когда социальные вопросы впервые получили отражение в энциклике “*Regum novarum*” Льва XIII, и далее – в энцикликах Пия XI, Иоанна XXIII, Павла VI, Иоанна Павла II (Benedict XVI 2005).

Концепция социального рыночного хозяйства, выросшая на почве ордолиберальной доктрины, также формировалась в условиях идейной борьбы с социалистическими и ультралиберальными учениями под сильным влиянием католического социального учения (Partycki 2003, s. 234-235). Сходство обоих взглядов проявляется, прежде всего, в критическом отношении к марксизму и классическому либерализму и выработке на этой основе концепции, так называемого, третьего пути (Lukin 2006, p. 155-161).

Как католическое социальное учение (КСУ), так и концепция социального рыночного хозяйства (СРХ) в качестве непреложных ценностей выдвигают достоинство человека и – вытекающие из этого требования – индивидуальную свободу, общественную справедливость и благосостояние. Современное КСУ опирается здесь на идеи Фомы Аквинского и на ряд энциклик пап Льва XIII, Пия XI, Иоанна XXIII, Павла VI, Иоанна Павла II, Бенедикта XVI. Красной нитью проходят эти принципы и в трудах В. Ойкена, Л. Эрхарда, А. Мюллера-Армака и других представителей ордолиберальной мысли и СРХ.

Оба указанных направления отрицают марксистское материалистическое понимание истории, его учение о базисе и надстройке. Как отмечает кардинал Йозеф Хёффнер: “Все ... тезисы диалектического материализма – представляют собой неясные, односторонние и в высшей степени уязвимые упрощения. Разве ручная мельница и средневеко-

вое общество с сюзереном во главе “породили” “Сумму теологии” Фомы Аквината? Можно ли понять Христа, Павла, Августина, Бенедикта, Франциска Ассизского, Лютера и т.д. только исходя из экономических факторов?... Но, в конечном счете, во всемирной истории определяющими являются не экономические процессы, а духовные решения” (Хёффнер).

Отрицается марксистский тезис о принципиальной несовместимости частной собственности на средства производства и социальной справедливости и защищается экономический строй, основанный на частной собственности. Ойкен и теоретики СРХ считали частную собственность элементом, обеспечивающим в рыночной экономике принятие гибких децентрализованных решений, особенно в области инвестиций. Более того, они считали частную собственность условием реализации свободы индивида. По словам Ойкена: “... частная собственность есть необходимое условие обеспечения индивидуальной свободы человека. Когда в обществе господствует коллективная собственность на средства производства, тогда устанавливается господство над индивидом экономической власти, которая, пользуясь своим могуществом, ограничивает его свободу. В результате индивид в рамках социального порядка имеет слабую и несамостоятельную позицию” (Eucken 2003: s. 88). КСУ в противовес марксистскому тезису о наступлении подлинного царства свободы после упразднения частной собственности на средства производства, подчеркивает, что без грехопадения была бы осуществлена райско-коммунистическая общность имущества; после грехопадения общность имущества можно осуществить без пагубных следствий только в семье и в монастырских общинах, которые являются “отображением священной общины” Иерусалима и имущество которых образует священную “коммуну”; в нашу эру – после грехопадения – народное хозяйство можно рассматривать только как строй, основанный на частной собственности” (Хёффнер).

Кардинал Хёффнер, основываясь на энцикликах пап Льва XIII, Пия XI и Пия XII, приводит следующие позитивные и негативные доказательства преимуществ экономического порядка, основанного на частной собственности. Позитивные доказательства следующие. Во-первых, частная собственность отвечает институционализации самоутверждения. Она гарантирует человеку независимость, свободу распоряжения и самостоятельность, находясь, таким образом, “в тесной связи с личностным достоинством и личностными правами человека”. Во-вторых, частная собственность служит четкому выделению и разграничению компетенций и сфер ответственности в экономике. В-третьих, частная собственность соответствует потребности человека в безопасности и заботе, что, прежде всего, значимо для семьи. В-четвертых, для строя, основанного на частной собственности, характерен активный экономический обмен, который соединяет друг с другом отрасли экономики и народы на мирной и добровольной основе, а не официально через должностных лиц. В-пятых, частная собственность дает возможность людям делать добро другим, самоотверженно помогая им, тогда как государственная забота действует холодно и безлично.

Также он приводит и негативные доказательства, ибо общность имущества: во-первых, ведет к инертности и нежеланию работать (поскольку каждый пытается переложить работу на другого); во-вторых, создает беспорядок и неопределенность, поскольку каждый заботился бы без разбора обо всех возможных принадлежащих всему обществу вещах и хотел бы обращаться с ними по своему усмотрению (в то время как частная собственность служит четкой дифференциации компетенций и сфер ответственности в экономике); в-третьих, является источником социальных раздоров; в-четвертых, означает, особенно при мощном аппарате управления производством современной экономики, огромную концентрацию власти, которая может вызывать непреодолимые искушения злоупотребления властью; в-пятых, центрально управляемая общая собственность угрожает свободе и достоинству человека (Хёффнер).

Также оба направления отрицают положение классического либерализма о благотворности стихийного экономического порядка, принципа "laissez-faire". Главным недостатком этого принципа, по мнению ордолибералов и теоретиков СРХ, является то, что он приводит рано или поздно к монополизации рынка, удаляясь от совершенной конкуренции и сводя к минимуму ее плюсы. КСУ особое внимание обращает в этой связи на то, что эра экономического либерализма привела к социальному дискомфорту в обществе и вызвала повторяющиеся тяжелые конъюнктурные кризисы. В энциклике "Quadragesimo anno" (Pius XI 1931a) отмечается, что взгляд, согласно которому экономика обладает своим регулятивным принципом в рынке (т.е. в условиях свободной конкуренции она совершеннее регулирует самое себя, чем это смогло бы какое-либо вмешательство), не учитывает ни общественную, ни нравственную природу экономики.

Сходятся СРХ и КСУ и в понимании важнейшей функции государства в экономике. Государство не должно ограничиваться ролью "ночного сторожа", а призвано, прежде всего, обеспечить условия развития свободной конкуренции путем признания частной собственности и свободного ценообразования, открытия рынков, контроля над монополиями или запрещения их. Конституирующее влияние государства, при этом не должно упразднить механизм рыночного ценообразования, обеспечивающий саморегулирование рынка. Сходство в этом пункте дало кардиналу Хёффнеру основания утверждать, что неолиберальное понимание роли государства, обеспечивающего своей конституирующей экономической политикой свободную деловую конкуренцию, обозначает "третий путь" между капитализмом и коллективизмом. КСУ "...не знает лучшего решения относительно экономического строя, ведь ... энциклика "Quadragesimo anno" приходит, в сущности, к "тому же результату". Между неолиберализмом и христианским социальным учением нет "никакой подлинной противоположности" (Хёффнер).

В энциклике "Centesimus annus" подчеркиваются такие важнейшие функции государства, как обеспечение гарантий индивидуальной свободы и защиты собственности, а также обеспечение стабильности

валюты: “Экономическая деятельность, в особенности рыночная экономика, не может осуществляться в структурном, юридическом и политическом вакууме. Она предполагает, наоборот, надежность гарантий в том, что касается личной свободы и собственности, не говоря уже о стабильной валюте и эффективном коммунальном обслуживании”. В этом заключена “главная задача государства” (John Paul II 1991).

Это полностью созвучно представлениям о функциях государства Л. Эрхарда, который был убежден, что политика конкурентного порядка способна решить основные социальные проблемы. Отсюда следовал его тезис о единстве экономической и социальной политики. КСУ также подчеркивает опасность чрезмерного крена в сторону социальной политики, которая, в таком случае, отрицает саму себя: “... чем больше растет число имеющих право на социальную защиту по отношению к совокупному населению, и чем больше количество лиц, подлежащих обязательному страхованию, тем меньше дотации из общей суммы налогов оказывают помощь всего общества более слабому в социальном отношении меньшинству; тем большие суммы — не в последнюю очередь через косвенные налоги — уплачивают сами застрахованные” (Хёффнер).

В заключении следует отметить, что многие идеи последней энциклики папы Бенедикта XVI “*Caritas in Veritate*”, вышедшей в июне 2009 года, касающиеся социально-экономических проблем современного глобализирующегося мира, созвучны идеям СРХ и могут рассматриваться как их развитие и адаптация к экономическим условиям начала XXI века. Так, вслед за энцикликой папы Павла VI “*Populorum Progressio*” здесь подчеркивается мысль о том, что экономические структуры и механизмы следует рассматривать как инструменты человеческой свободы. Интегральное развитие человека (одна из ключевых идей КСУ) возможно лишь “в климате ответственной свободы” (Benedict XVI 2009). Ответственная свобода, “свобода для, а не свобода от”, в свою очередь, является одной из важнейших идей В. Ойкена и Л. Эрхарда. Важным направлением развития современного бизнеса папа Бенедикт XVI видит в усилении плюрализма институциональных форм бизнеса. Это привело бы к более цивилизованному предпринимательству и стало бы стимулом усиления конкуренции на рынках (Benedict XVI 2009). В качестве еще одного способа увеличения конкуренции предлагается повысить степень открытости рынков (Benedict XVI 2009).

Заключение

Таким образом, можно видеть ряд общих характеристик рассмотренных подходов. Среди основных принципов организации социально-экономической жизни важнейшее место занимают общее благо, солидарность и субсидиарность, коренящиеся в христианском идеале. Основной же общей чертой является нацеленность на гуманистические ценности. Одной из наиболее существенных, по сути синтезирующей важнейшие принципы СРХ и КСУ, является идея энциклики “*Caritas in Veritate*” о том, что экономическое развитие невозможно без честных

и нравственных мужчин и женщин, без финансистов и политиков, сознательно настроенных на общее благо. При этом равно необходимы как неукоснительное следование моральным принципам, так и профессиональная компетентность. В тоже время, в “*Caritas in Veritate*” подчеркивается, что нам нужны “новые глаза и новое сердце”, дабы подняться над материалистическим взглядом на ход человеческих событий. Таким образом, главным фактором, способствующим развитию, является именно христианский гуманизм, ибо без Бога человек не знает, куда идти, и даже не может понять, кто он такой (Benedict XVI 2009).

Это показывает нарастание принципиальных различий между христианским социальным учением и современными социально-экономическими концепциями, основанными на секулярном гуманизме. Соответственно, на практике ордолиберализм был использован преимущественно в политических целях. Хотя в первые послевоенные годы ордолиберализм был частично поддержан представителями американских антитрестовских традиций в администрации, но интересы промышленных группировок явились существенными барьерами на пути осуществления его идей. Удивительными примерами воздействия секулярного гуманизма является существование в современной Германии ряда авторитетных политиков, не придерживающихся христианских ценностей, а также отсутствие в проекте Европейской Конституции простого упоминания о христианских идейных основаниях европейской интеграции.

Весьма актуальным для настоящего времени является формированию социально-экономических концепций именно на основании христианского гуманизма.

Источники и литература:

1. Benedict XVI (2005). “Encyclical letter “*Deus Caritas Est* on christian love”. URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est_en.html
2. Benedict XVI (2009). “Encyclical letter “*Caritas in Veritate*” on integral human development in charity and truth”. URL (last checked 12 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20090629_caritas-in-veritate_en.html
3. Eucken, Walter (2003). “*Polityka porzadku konkurencji – zasady kosztyujace*”. Spoleczna Gospodarka Rynkowa. Warszawa, PTE.
4. John Paul II (1991). “*Centesimus Annus*” Encyclical Letter on the hundredth anniversary of “*Rerum Novarum*”. URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/john_paul_ii/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus_en.html
5. Leo XIII (1891). “*Rerum Novarum*” Encyclical of Pope Leo XIII on capital and labor”. URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/leo_xiii/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum_en.html

6. Lukin, Siarhei (2006). "Catholic Social Thought and Social Market Economy: Brief Comparative Analysis". Towards Unification of Europe – Culture and Economy. Bialystok, Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku.
7. Partycki, Slavomir (2003). "Nauczanie Kościoła Katolickiego a Społeczna Gospodarka Rynkowa w Polsce". Społeczna Gospodarka Rynkowa. Warszawa, PTE.
8. Paul VI (1967). "Populorum Progressio" Encyclical of Pope Paul VI on the development of peoples". URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/paul_vi/encyclicals/documents/hf_p-vi_enc_26031967_populorum_en.html
9. Pius XI (1931). "Non Abbiamo Bisogno" Encyclical of Pope Pius XI on Catholic action in Italy". URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_29061931_non-abbiamo-bisogno_en.html
10. Pius XI (1931a). "Quadragesimo Anno" Encyclical of Pope Pius XI on reconstruction of the social order". URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno_en.html
11. Pius XI (1937). "Divini Redemptoris" Encyclical of Pope Pius XI on atheistic communism". URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19031937_divini-redemptoris_en.html
12. Pius XI (1937a). "Mit Brennender Sorge" Encyclical of Pope Pius XI on the Church and the German Reich". URL (last checked 14 June 2014). http://www.vatican.va/holy_father/pius_xi/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_14031937_mit-brennender-sorge_en.html
13. Гердер, И. Г. (1977). "Идеи к философии истории". Москва.
14. Кант, И. (1965). "Об изначально злом в человеческой природе". Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. Москва: Мысль.
15. Кант, И. (1965a). "Основы метафизики нравственности". Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. Москва: Мысль.
16. Кант, И. (1966). "Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане". Сочинения. В 6 т. Т. 6. Москва: Мысль.
17. Кант, И. (1966a). "К вечному миру". Сочинения. В 6 т. Т. 6. Москва: Мысль.
18. Кант, И. (1966b). "Метафизика нравов". Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. Москва: Мысль.
19. Кант, И. (1994). "Рецензии на книгу И. Г. Гердера "Идеи к философии истории человечества" (Рецензия первой части. Напоминания рецензента книги И. Г. Гердера "Идеи к философии истории человечества". Рецензия второй части)". Сочинения. В 8 т. Т. 8. Москва: Чаро.
20. Ламперт, Х. (1994). "Социальная рыночная экономика. Германский путь". Москва: Дело.
21. Лобье, П. (2001). "Три града. Социальное учение христианства". Санкт-Петербург: Издательство "Алетейя".

22. Майка, Ю. (1994). “Социальное учение католической церкви”. Рим – Люблин.
23. Маритен, Ж. (1994). “Интегральный гуманизм”. Философ в мире. Москва: Высшая школа.
24. Маритен, Ж. (2000). “Человек и государство”. Москва: Идея-Прогресс.
25. Ойкен, В. (1995). “Основные принципы экономической политики”. Москва: Прогресс.
26. Ойкен, В. (1996). “Основы национальной экономики”. Москва: Экономика.
27. Хёффнер, Йозеф. “Христианское социальное учение”. URL (доступ 13.06.2014). http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Hoff_HrSoc/Index.php
28. Цинн, К. Г. (1994). “Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ”. Минск.
29. Эрхард, Л. (1996). “Полвека размышлений”. Москва: Наука.
30. Эрхард, Л. (2001). “Благосостояние для всех”. Москва: Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Дело.

СОБСТВЕННОСТЬ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА И ВЫВОДЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Владимир Поплыко

Кандидат экономических наук, доцент
Беларусского государственного университета (Минск, Беларусь)
e-mail: v_poplyko@tut.by

Рецензент: Александр Подгайский, кандидат экономических наук, доцент Беларусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Статья получена 12 октября 2014, принята к публикации 20 ноября 2014

Аннотация

В статье рассматриваются концептуальные принципы социального рыночного хозяйства. Ключевым моментом ордолиберальной теории является вопрос собственности. Она подразумевает ответственность и право управления. Обозначены основные задачи социального рыночного хозяйства в отношении собственности. Анализируются процессы трансформации общественной собственности в Республике Беларусь. Формулируются предложения по реформированию механизма управления собственностью.

Ключевые слова: собственность, ответственность, принципы ордолиберализма, общественная собственность, общенародная собственность, государственная собственность.

“Любое ограничение ответственности порождает тенденцию к централизованно-административному хозяйству”.

Вальтер Ойкен

Введение

Любая собственность – это, прежде всего, ответственность. Как известно предпосылками конкурентного рыночного хозяйства является имущественная ответственность и результативность. При осуществлении предпринимательской деятельности бизнес неоднократно доказывал свою жизнеспособность и готовность нести ответственность за возникавшие при этом обязательства собственными и/или чужими средствами. Таким образом, ответственности отводится ключевая роль при возникновении предприятий как организаций для трансформации рисков, при принятии управленческих решений, а также при развитии конкурентных процессов (Шюллер 2002, с. 345).

Вопросы создания, распределения и использования собственности являются ключевыми для любой экономической системы. Исторический опыт показывает, что в определенные моменты времени

теоретические концепции претерпевают изменения. Для нас крайне важным становится встраивание собственности в экономическую модель развития конкретного государства.

Опыт Германии

Рассмотрим как реализовывался данный ключевой тезис на примере послевоенной Германии. Главной целью правительства являлось формирование экономического порядка и максимально эффективного использования имеющихся ресурсов для возрождения национального хозяйства. Под руководством Людвиг Эрхарда, министра экономики, качалась практическая работа по превращению в жизнь теории социального рыночного хозяйства. План Маршалла создал солидную финансовую основу, наряду с производственными фондами и незанятой квалифицированной рабочей силой, условия для возрождения экономики.

Однако решающий прорыв произошел только тогда, когда в 1948 году, под руководством Эрхарда и при поддержке однопартийцев в Западной Германии началось возрождение рыночного хозяйства с позиций конструктивной программы, опирающейся на идеи “неолиберализма”. В ней были внедрены как сформулированное Альфредом Мюллер-Армаком (Alfred Müller-Armark) понятие “социальное рыночное хозяйство”, так и основные принципы и озвучены проблемы, которые были представлены в экспертном докладе, подготовленном Вильгельмом Репке (Wilhelm Röpkе) для федерального правительства и предваряемом вступительным словом канцлера Конрада Аденауэра (Репке 2002, с. 127).

Концепция социального рыночного хозяйства опирается, в первую очередь, на предпринимательскую рыночную свободу, которая фактически вытекает из готовности нести ответственность и права управлять. Понятно, что в случае получения высоких доходов предприниматель награждается прибылью. Возможно и обратная ситуация, когда бизнес несет убытки, которые нужно погашать из собственного кармана.

Право управления – это компетенция предъявлять требования, обоснованные в рамках предприятия и являющиеся оборотной стороной обязательств. Эти требования возникают из договоров с наемными работниками, поставщиками, клиентами, банками и органами власти. Если принять во внимание, что эти права обычно предоставляются предприятию в той мере, в какой с уверенностью могут ожидаться встречные услуги, то и с этой точки зрения обнаруживается тесная связь между свободой рынка и ответственностью. Она означает следующее: от формы, в которую облачается обязанность ответственности, зависят выбор и рыночное поведение субъектов, формирующих рыночный процесс (Шюллер 2002, с. 345-346).

Перечисленные выше ключевые моменты экономической ответственности являются основой хозяйственного порядка создан-

ного в Германии. При этом возникает две задачи: координация и стимулы для бизнеса. Хозяйственный порядок представляет собой систему упорядочивающих и стимулирующих сил. Первая из них состоит в том, чтобы обеспечивать оптимальное использование ограниченных производительных сил с целью выпуска необходимых продуктов в “правильных” пропорциях, в конкретном месте, в нужное время и с применением экономически “правильных” средств. При этом особое значение имеют два аспекта этой задачи: а) постоянное недопущение длительных дефицитов или избытков и ликвидации нарушений рыночного ценового механизма; б) экономически эффективное соотношение между текущими потреблением и инвестициями (Репке 2002, с. 108).

По мнению Репке, “задача координации – это интеллектуальный вопрос, а задача стимулирования – моральный. Обе задачи, чтобы удовлетворять метаэкономическим постулатам, должны одновременно решаться таким образом, чтобы максимум экономической продуктивности и отсутствие сбоев достигались без нарушения элементарных заповедей справедливости и без давящего превосходства, а, напротив, с сохранением и укреплением существенных основ нашей западной государственной и общественной жизни: гражданских свобод со всеми их атрибутами, правового и конституционного государства, истинной демократии со свободным общественным мнением, структурированной партийной жизни, регионального деления, уважения прав меньшинства и работоспособного парламента, ограничения государства наиболее существенными задачами общественной жизни, неприкосновенности личности и естественных семейных, церковных и профессиональных сообществ, достойного человеческого существования и международной гармонии” (Репке 2002, с.118).

Вторая задача стимулов к результативности заключается в создании условий, которые могут обеспечить координацию через ценовой механизм на максимальном количественном и качественном уровне (Репке 2002, с.108).

Все это позволит формировать хозяйственный процесс, на всех стадиях опирающийся на мощные движущие силы, природа которых соответствует функциям рынка. Иными словами, хозяйственный порядок должен быть устроен таким образом, чтобы каждый на своем месте и в соответствии со своей функцией достигал наилучшего результата. Недостаточно разработать хозяйственный порядок на бумаге, обязательно требуется наделить его такими свойствами, чтобы данная теоретическая схема была осуществима на практике. Здесь есть опасность голого интеллектуализма, который не справляется с задачей внедрения теоретических моделей в действительность, имеющую не только экономическую сторону, но одновременно и политическую, психологическую и моральную. Всегда надо ставить вопрос, в каких общесоциологических рамках вообще должен будет функционировать тот или иной выдуманный механизм (Репке 2002, с. 117-119).

Необходимо обратить внимание на проблему смешения задач порядка. Она достаточно проста. Смещение задач внутри народного хозяйства возможно и до известного предела даже желательно. Они должны дополнять друг друга. Задачи порядка в каждом отдельном случае, на каждом рынке могут быть решаемы либо через цену, либо через административный орган, и в народном хозяйстве в целом должен доминировать тот или иной способ. Между ценой и ведомством нет ничего, точнее, между ними – хаос. Это означает, что если хозяйственный процесс не координируется и не стимулируется через цены, то координация и стимулирование должны происходить посредством плана и приказов ведомства. Здесь нет третьего пути (Репке 2002, с. 120).

Согласно взглядам Репке, после того как были сформулированы задачи, стоящие перед политикой хозяйственного порядка, необходимо найти возможность ее пути решения. В рыночной экономике, построенной на общественном разделении труда, в котором множество независимых потребителей и производителей, применимы лишь два принципа: или координация хозяйственного процесса через саморегулирование рынка, свободных цен и конкуренции, или субординация через план от политических инстанций и принудительную реализацию этого плана. Выбор: рыночное (меновое) хозяйство или планово-командная экономика (коллективизм, централизованно-административная экономика, система антирыночного вмешательства); или спонтанный, или организованный порядок (Репке 2002, с. 142).

Хозяйственный порядок подразумевает адекватные границы его применения. Возникает вопрос: для чего нужно ограничивать ответственность? В соответствии с принципом правового ограничения ответственности в Германии организованы, прежде всего, общества с ограниченной ответственностью, или ООО (*Gesellschaft mit beschränkter Haftung*, или *GmbH*) и акционерные общества, или АО (*Aktiengesellschaft*, или *AG*). Гарантией выполнения обязательств служит лишь обособленное имущество обществ, но не частное имущество их членов. Если исходить из экономического обоснования постулата единства собственной ответственности и рыночной свободы, то ограничение ответственности может быть оправданно только в тех случаях, когда речь идет о финансировании предприятий, требующих больших вложений капитала, который может быть аккумулирован при участии многих субъектов и эффективно использован при найме руководителей-специалистов. Поскольку каждый отдельный вкладчик капитала способен при этом оказывать лишь незначительное влияние на руководящие решения, ограничение ответственности может быть экономически приемлемым. Из осознания этого факта и в соответствии с принципами римского права АО приобрело форму общества, открытую для публики (Шюллер 2002, с. 348).

По мнению Альфреда Шюллера (2002, с. 349) ограничение ответственности не препятствует осуществлению предпринимательской

деятельности на основе чужой ответственности. При неограниченной ответственности из разделения ответственности и управления также можно получить специфические преимущества, причем особо благоприятные. Ведь в этом случае риск ошибочного выбора руководителей предприятия полностью ложится на одного или нескольких ответственных субъектов. Тем самым появляется возможность исключить риски и предотвратить внешние издержки с минимальными затратами иными словами, соответствовать принципу конкретного и целостного экономического расчета. Бизнес в рыночных процессах, использует многообразные возможности комбинировать “ответственность и управление” и может скорее получить более широкое распространение и интенсифицировать конкуренцию.

Реализация принципа функции замещения ответственности обязательными проверками и предписаниями по публичности возможна в социальном рыночном хозяйстве. Это позволяет каждому желающему получать информацию о годовом балансе, подтвержденном обязательной проверкой (аудитом). Таким способом должен осуществляться внешний контроль за руководством, дабы воспрепятствовать недопустимым с правовой точки зрения действиям и снизить вероятность банкротства (Шюллер 2002, с. 358).

Обязательная котировка акций акционерного общества на бирже является стимулом. В пользу этого говорит то, что в Германии большинство представленных на бирже обществ отвечающим требованиям “Рабочего сообщества немецких бирж по ценным бумагам”, обязаны ежеквартально сообщать широкой общественности установленные законом данные, а именно: о величине оборота, состоянии и притоке заказов, загрузке мощностей, ситуации с издержками и ценами, положении с доходами, состоянии персонала, об инвестициях и участии в других компаниях.

В сфере акционерных обществ могло бы произойти существенное расширение добровольной публичности, прежде всего в тех случаях, когда наблюдаются четкие индивидуальные претензии акционеров на распределение прибыли, в результате чего общества вынуждены покрывать свою потребность в собственном капитале при расширении капитала компании исключительно с помощью эмиссии акций.

Ограничение банковского влияния направлено через усиление аллокативной функций ответственности. Часто полагают, что правила строгой проверки кредитоспособности, предполагающей ориентацию на доход, будут игнорироваться, если кредитный институт представлен в наблюдательном совете фирмы-заемщика или владеет значительной долей ее капитала. В этом случае может искажаться механизм интернализации издержек различных рисков ответственности. Селективная функция действует через укрепление права акционеров на получение дивидендов. Но банки и крупные акционеры могут влиять на результаты голосования и в большинстве случаев совпадают с предложениями правления. Тем

самым капитал, которым отвечает компания, попадает в непосредственное распоряжение нанятых менеджеров. В результате ослабевает связь функции акционеров как носителей риска с функцией управления, поскольку они в отличие от крупных акционеров не могут обеспечить квалифицированного большинства (Шюллер 2002, с. 359-360).

Важнейшей особенностью германской экономической модели, а значит и собственностью, является так называемая система участия в принятии решений (*die Mitbestimmung*) или в англоязычной литературе системой соопределения (*co-determination system*), состоящая из двух уровней. Первый уровень образуют советы предприятий или рабочие советы. Они образуются согласно “Закону о правовом режиме предприятия” от 1952 года. Такие советы получили право участия во всех персональных и социальных делах предприятий. Отметим, что право работников на образование совета предприятия не реализуется автоматически и требует проявления инициативы с их стороны. Советы имеются не на всех предприятиях. Но чем больше размер предприятия, тем больше вероятность образования на нем совета. Так, по данным 2000 года, среди компаний с числом занятых более 1000 человек советы были созданы в 95,1% случаев, а среди фирм с числом занятых от 5 до 20 человек – в 5,7% случаев (Ключко 2006).

Советы предприятий обладают широкими правами в сфере регулирования трудовых отношений (правила трудового распорядка, режимы рабочего времени, включая временное сокращение или продление установленного рабочего времени, отпуска, охрана труда, формы оплаты труда). Здесь решения совета имеют принудительную силу, без его согласия работодатель не может осуществить то или иное мероприятие. Кроме того, советы имеют право согласия или опротестования по вопросам приема на работу, тарификации работников, также пользуются правом заслушивания при увольнении работников, совещательным правом по техническим и производственным вопросам и правом на информацию об экономическом положении предприятия и прочим важным для работы предприятия вопросам (за исключением производственных и коммерческих тайн).

На втором уровне находится система участия рабочих и служащих в управлении акционерными обществами, то есть прямое присутствие работников в их органах управления. Кроме того, “Закон о правовом режиме предприятия” устанавливает обязательность избрания простым большинством членов наблюдательного совета от работников одного из членов правления предприятия, так называемого рабочего директора (*der Arbeitsdirektor*), который отвечает за социальные вопросы и вопросы, связанные с персоналом и трудовыми отношениями. Остальные члены правления избираются простым большинством голосов всех членов наблюдательного совета. Рабочий директор не может быть избран в наблюдательный совет, но и не может быть смещен со своего поста без согласия

большинства представителей работников в наблюдательном совете компании (Ключко 2006).

Собственность в Беларуси

Прежде чем перейти к анализу принципа ответственности, обратимся к понятию собственности в переходной экономике Республики Беларусь. Рассмотрим ее виды в странах бывшего СССР, в том числе ее трансформацию.

Собственность – исторически определенный общественный способ присвоения людьми предметов производительного и непроизводительного потребления. Она всегда связана с вещью (имуществом, объектом присвоения), но она не сама вещь, а отношения между людьми по поводу вещи (Золотоголов 2004, с. 506). Общественная (государственная) собственность (public ownership): предприятия, принадлежащие государству, или контролируемые государством организации. Общественная собственность предполагает непосредственную деятельность центральных органов власти, например, по созданию военных предприятий или гражданских служб; деятельность местных органов власти, например по развитию мест общественных увеселений, а в Великобритании – по созданию муниципального жилищного фонда, а также деятельность созданных государством организаций, например, английской Государственной службы здравоохранения. Правительство также может владеть частью или всеми акциями некоторых компаний. (Экономика... 2005, с. 1757). К этому надо добавить, что объектом общественной собственности выступает значительная часть культурных и исторических ценностей, многие объекты социальной инфраструктуры. Наконец, сами исторические традиции, хозяйственный опыт, общее поле взаимодействия людей исключительно важны для нормального развития системы хозяйствования, они принимают форму социального капитала и могут в целом рассматриваться как разновидность общественной собственности.

Общонародная собственность – это собственность, созданная в период строительства социализма. Материальные активы, основные фонды, созданные в стране за послевоенный период до распада СССР и образования независимого и самостоятельного государства – Республики Беларусь. Это в первую очередь промышленные предприятия, объекты инфраструктуры и многое другое. Государственная собственность – (public ownership) – собственность, принадлежащая государству или контролируемая государственными органами власти – министерствами и ведомствами. Она в свою очередь состоит из 2-х частей: республиканской и коммунальной, т.е. принадлежит местным органам власти – облисполкомам и Минскому горисполкому, например, в Республике Беларусь.

В трансформационной экономике произошло, по сути дела, отождествление непосредственно общественной собственности с государственной. С одной стороны, возникла “разделенная” общественная собственность в виде закрепления неполного владения общенарод-

ными средствами производства за предприятиями и на этой основе произошло возрождение товарно-рыночных отношений, хотя и в ограниченном масштабе. Причем в ряде случаев такое неполное владение трансформировалось в появление коллективистской разновидности социалистической модели хозяйства, которая в полном объеме была внедрена в Югославии как система рабочего самоуправления. С другой стороны, сближение понятий государственной и непосредственно общественной форм собственности стало первопричиной масштабной бюрократизации социалистического хозяйствования, а в конечном счете и всей общественной жизни (Рязанов и Осадин 2006).

Нужно отметить, что процесс трансформации общенародной собственности в государственную и частную на постсоветском пространстве походил не совсем гладко. Беларусь – это, наверное, единственное государство, где не было “обвальной приватизации”, но которое постепенно скатывается к “номенклатурному сценарию”. Чиновники выбирают отдельные объекты общенародной собственности и “переводят” их в частную. Очень показателен российский опыт трансформации общенародной собственности в частную. Интересно мнение российского миллиардера Михаила Прохорова. В своем блоге он пишет: “Не я проводил приватизацию. Я в ней участвовал, да, но строго по тем законам, которые установило новое государство Российская Федерация. Это государство появилось в 1991, после распада СССР. И именно тогда, а не в момент залоговых аукционов в 1995, общенародная собственность перестала быть общенародной” (Прохоров 2011).

По мнению Прохорова, в 1991 году вся общенародная собственность стала государственной. И стала принадлежать новому государству – Российской Федерации. Это новое российское государство, став собственником всего, быстро осознало, что не знает, что ему делать со всей этой собственностью. Что оно не может само ей управлять. И оно решило создать институт собственников. Вернее, воссоздать. Это было решением нового государства. Было это решение справедливым? С советской точки зрения на социальную справедливость – нет. Но идея всеобщего равенства рассыпалась вместе с СССР. И была ли уравниловка равенством – тоже вопрос.

Олигарх Прохоров считает: “...не я устанавливал новые правила игры. Я сыграл по ним, да. Если бы не я – на моем месте был бы кто-то другой. Было бы это лучше для того же “Норильского никеля”? Уверен – нет. Я управлял этим предприятием лучше, чем многие другие новые собственники своими. “Норникель” не встал, не обанкротился ... А в итоге, вообще-то, все рабочие, которые были акционерами предприятия, при мне стали рублевыми миллионерами” (Прохоров 2011).

Какова ситуация собственностью в Беларуси? Анализ статистических данных представлен на рис. 1 (Статистический ежегодник... 2010, с. 275, 2013, с. 246). Из него следует, что в экономике Беларуси доминирует государственная собственность. Снижение ее доли за последние 5 лет с 62,1 до 52,5% говорит не столько о процессах приватизации и разгосударствления, сколько об административных процедурах. Так, например, республиканское унитарное пред-

приятие (РУП) “Гродноазот” одним росчерком пера преобразуют в открытое акционерное общество (ОАО), с долей государства в 98%. Де-юре – это частное предприятие, де-факто – оно государственное. Позитивным моментом является рост доли иностранной собственности в 37 раз с 0 до 3,7% с 1996 по 2012 год.

Рис.1 Динамика структуры основных средств по формам собственности в Беларуси, в % к итогу

Возникает вопрос: насколько эффективно используется собственность? Главным моментом работы любой организации являются финансовые результаты. Итоги деятельности белорусских предприятий представлены в табл. 1. Финансовые результаты противоречивы. С одной стороны, рост прибыли за 2008-2011 годы на 2,7 п.п. с 11,75 до 14,46% ВВП. С другой, рост убытков почти в 5 раз с 0,46 до 2,32% ВВП, на фоне снижения числа убыточных организаций. За этот же период в экономике Беларуси были две одномоментные девальвации в 2009 и 2011 годах на 35% и 280% соответственно. В целом финансовые итоги неоднозначны.

Таблица 1. Основные показатели финансовой деятельности организаций Беларуси

Показатели	Годы					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Чистая прибыль, убыток в % ВВП	11,75	7,87	8,27	14,46	13,52	6,67
Количество убыточных организаций, единиц	528	789	495	468	426	752
В процентах к общему количеству организаций	5,1	7,6	5,5	5,4	5,2	9,1
Сумма чистого убытка убыточных организаций, в % ВВП	0,46	1,02	0,68	2,32	0,62	1,38

Источник: Статистический ежегодник... 2013, с. 23-28, 463; Финансы... 2012, с. 20,16.

Необходимо отметить, что в Беларуси реализуется собственная экономическая модель. В Беларуси складывается кейнсианская мо-

дель развития с градуалистскими методами управления экономикой. Государство выступает генератором делового цикла. Оживление и подъем национальной экономики был связан с усилением роли государства в хозяйственной жизни, дешевые российские энергоресурсы и финансовая помощь. Государственное вмешательство позволило оживить производство путем роста платежеспособного спроса. В условиях Беларуси – это проведение денежной эмиссии, крупные займы и субсидии неэффективным отраслям и предприятиям, стимулирование налоговыми льготами отдельных производителей.

Система государственного управления опирается в первую очередь на административные методы. Так, руководителей крупнейших предприятий назначает и снимает с должности Глава государства. В их число входят около 200 валообразующих предприятий Республики Беларусь. По оценкам экспертов, суммарная их доля добавленной стоимости страны превышает 50%. Президент Беларуси Александр Лукашенко 28 декабря 2012 года рассмотрел кадровые вопросы и дал согласие на назначение новых руководителей МАЗа, МТЗ, “Витязя” и “Гомсельмаша”. Это флагманы белорусской экономики, крупнейшие машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия (Tut.by 2012).

Согласно Указу Президента Республики Беларусь № 637 от 28 декабря 2005 года “О порядке исчисления в бюджет части прибыли государственных унитарных предприятий, государственных объединений, являющихся коммерческими организациями, а также доходов от находящихся в республиканской и коммунальной собственности акций (долей в уставных фондах) хозяйственных обществ и об образовании государственного целевого бюджетного фонда национального развития” государственные предприятия перечисляют часть чистой прибыли в фонд национального достояния. Как сообщила пресс-служба правительства, ОАО “Нафтан”, входящий в состав Белорусского государственного концерна по нефти и химии, до 29 декабря 2012 года перечислит в государственный целевой бюджетный фонд национального развития часть прибыли (кроме налога на прибыль перечисленной в бюджет), в размере 600 млрд рублей (около 70 млн долларов США по курсу Национального Банка Республики Беларусь). Это предусмотрено постановлением Совета министров № 1158 от 14 декабря 2012 года (Носова 2012).

В настоящее время Министерство промышленности пытается реорганизовать два своих могилевских предприятия путем присоединения убыточного “Техноприбора” к прибыльной “Ольсе”. Однако наткнулось на непонимание сотрудников “Техноприбора”, которые опасаются сокращений и не хотят объединяться. Почти 90% акций в ОАО “Техноприбор” и “Ольса” принадлежит Минпрому. На каждом из этих предприятий работает около 650 человек. По мнению независимых экспертов, иждивенческие настроения, которые государство на протяжении ряда лет выращивало у электората, сейчас вылезают боком в виде таких протестных настроений. В государстве уже начинают считать копейку и перестают закапывать день-

ги, финансируя убыточные производства. Хотя более правильный путь в этой ситуации – привлечь стратегических инвесторов, а не латать дыры, присоединяя убыточные предприятия к прибыльным (Заяц и Яковлев 2012).

Согласно Декрету Президента Республики Беларусь №9 от 7 декабря 2012 г. “О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей промышленности” все работники деревообрабатывающих предприятий должны быть переведены на контрактную форму найма. Досрочное расторжение контрактов в период реализации инвестиционных проектов по инициативе работников допускается только с согласия нанимателя. Отказ нанимателя в расторжении контракта может быть обжалован председателю областного (Минского городского) исполкома.

В случае нарушения работниками трудовых обязанностей и увольнения они должны возместить денежные выплаты, которые будут начисляться им дополнительно к зарплате. Аналогичный правовой режим предусмотрен в отношении работников генеральных подрядных организаций и проектировщиков, участвующих в реализации инвестпроектов по техническому переоснащению, модернизации и реконструкции производств организаций деревообрабатывающей промышленности (Декрет... 2012; Королевич 2012).

Предыстория данного нормативного документа такова. За последние 5 лет в деревообрабатывающую отрасль вложено, по разным оценкам от 500 до 700 млн долларов США. Эффективность инвестиционных проектов низка. Соответственно, невысокий уровень заработной платы. Руководством страны принято решение повысить ответственность работников деревообрабатывающей отрасли за конечные результаты путем перевода всех работников отрасли на контрактную систему. Более подробно про законодательные инициативы в этой сфере, которые были инициированы с 2012 года, см. (Заяц 2012)¹.

.....

¹ Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что вводится институт государственных представителей в акционерных обществах, в которых у государства нет долей. Данную норму предлагается распространить на ОАО, созданные в процессе преобразования арендных, коллективных (народных) предприятий, государственных, государственных унитарных предприятий, а также в процессе приватизации арендных предприятий... Таким образом, в состав руководства предприятий, которые в 1990-е годы в результате приватизации стали частными, теперь могут вводиться представители государства. Более того, госпредставители смогут “налагать запрет на решения общего собрания акционеров”, отмечается в обосновании к законопроекту.

Заслуживают внимания также еще две новации, которые подготовлены в коридорах власти. В тех ОАО, где доля государства составляет менее 50%, представители государства смогут голосовать на общем собрании акционеров также голосами, принадлежащими миноритарным акционерам. Данная мера инициируется, как сказано в обосновании к проекту госрешения, “в целях защиты прав и свобод граждан, включая миноритарных акционеров”. Получается, что даже в тех ОАО, где государство не владеет контрольным пакетом акций, оно может, консолидировав пакеты акций миноритарных акционеров, протакаивать свои решения.

Предлагается для повышения эффективности управления акционерными обществами, в уставных фондах которых более 50% акций принадлежит государству, предлагается не создавать в них наблюдательные советы, а вопросы, относящиеся к их компетенции, распределить между исполнительным органом и общим собранием акционеров...

Все перечисленные решения, подготовленные чиновниками, являются в какой-то степени ожидаемыми после событий вокруг “Коммунарки” и “Спартака”. Напомним, в октябре [2012 – В.П.] президент выразил крайнюю неудовлетворенность работой наблюдательных советов на кондитерских фабриках и потребовал перестроить существующую систему управления госсобственностью [владельческого надзора в ОАО]... доля государства была увеличена с миноритарной до контрольной.

После “кондитерской” истории на высшем уровне высказывалась мысль, что на предприятиях, где доля государства составляет более 50%, наблюдательные советы являются излишней бюрократической над-

Рост склонности государства к экспериментированию с планированием общеэкономических процессов неизбежно должен сужать свободу действий частного хозяйства. Эксперимент государства в таком случае вытесняет предпринимательское дерзание. Получается, что основа хозяйственного роста легко может быть продана за чечевичную похлебку чиновничьих экспериментов с планированием. Склонность к усилению государственного планирования в общеэкономическом масштабе отчасти объясняется пораженческими представлениями о потенциале прогресса и планирования, заложенном в частном хозяйстве и возможностях адаптации последнего к новым условиям (Вильгеродт 2002, с. 283).

Заключение

Классики ордолиберализма предупреждали о последствиях несоблюдения его важнейших принципов. В них заложены основы “германского экономического чуда”. Очень важно разобраться в его теоретических основах. По мнению Репке очень важно разграничивать проблему хозяйственного порядка от других целей, с которыми исторически связывает с понятием социализма. Не должно происходить социализации собственности, особенно через плановое хозяйство. Основной вопрос, который здесь возникает, заключается не в том, кому принадлежат средства производства, а в том, как следует их координировать в народнохозяйственном процессе. Сохранение элементов командной экономики означает, что народное хозяйство нужно организовать как одну гигантскую фабрику и управлять им соответствующим образом – по сделанным под копирку чертежам, с командной иерархией и чисто техническим инженерным менталитетом. Формальное сохранение частной собственности на средства производства не является помехой, так как она выхолощена и ее важнейшая функция – ориентированная на рынок свобода оперативного управления – разрушена.

Отсутствие структурного дефицита ответственности, что может привести к несоблюдению конкурентного порядка. Доходы, возникаю-

стройкой, без которой можно обойтись. Теперь мысли чиновников формализованы в законопроекте. По мнению экспертов, стремление ликвидировать наблюдательные советы на предприятиях, контрольный пакет акций которых принадлежит государству, объясняется желанием властей обеспечить полный контроль в таких ОАО.

По действующему законодательству, акционер, владеющий 10% акций предприятия, имеет право войти в состав наблюдательного совета. Прекращение деятельности наблюдательных советов позволяет устранить из управления предприятиями тех акционеров, которые владеют миноритарными пакетами акций...

С другой стороны, как мы отметили выше, в тех ОАО, где госдоля составляет менее 50%, представители государства смогут голосовать на общем собрании акционеров также голосами миноритариев. Соответственно, делегирование государству права распоряжаться голосами миноритарных акционеров означает, что власти, независимо от размера госдоли, смогут контролировать деятельность предприятий. Ну а в те ОАО, созданные в процессе приватизации в 1990-е годы, где доли у государства вообще нет, власти теперь смогут назначать государственных представителей...

Наблюдатели отмечают, что нынешнее предложение вводить госпредставителей в состав ОАО, где нет госдоли – фактически реанимация института “золотой акции”. Напомним, что со второй половины 1990-х годов в Беларуси действовал механизм “золотой акции”, который представлял из себя особое право государства на управление предприятиями даже в тех случаях, когда госдоля в них отсутствовала. В 2008 году “золотая акция” была отменена, однако теперь ей на смену может прийти практика введения государственных представителей в компании, ставшие частными в процессе приватизации в 1990-е годы. По мнению экспертов, введение в законодательство нормы, позволяющей вводить госпредставителей в состав частных компаний, будет иметь негативные последствия” (Заяц 2012).

щие из общественного имущества предприятия, и условия сохранения рабочих мест, очевидно, имеют характер общественных благ, которые создают для отдельного индивида слишком слабые стимулы участвовать в издержках производства. Последствия противоречий между индивидуальной и общеэкономической рациональностью приводят к попытке трудовых коллективов использовать преимущества рыночной свободы без надлежащих мер ответственности.

Существующая модель управления государственностью собственностью в Беларуси во многом напоминает югославский вариант. В бывшей Югославии пытались заменить отсутствующий механизм, усиливающий собственную ответственность предприятий. Он включал нормативные акты, регулирующие, например, стоимость имущества предприятия, размер оплаты труда, создание рискованного фонда с минимальной ответственностью для покрытия убытков и т.д. В этой социалистической стране пытались ограничить народнохозяйственные издержки, связанные с существенным исключением ответственности, прежде всего инфляцию и внешнюю задолженность, сохранить многочисленные предприятия, несмотря на ошибочные инвестиции, низкую производительность труда и недостаточное самофинансирование, большие долги и привычку не выполнять долговые обязательства, а значит и государственную собственность.

Эти и другие попытки хоть как-то заменить недостаток качества ответственности в условиях общественной собственности на средства производства, строго говоря, противоречат принципу самоуправления. Однако на этом пути соединение рыночной свободы и собственной ответственности не возводится в определяющий принцип хозяйственного порядка. Так, от обязанности публичности предприятия нельзя ожидать существенного эффекта, замещающего имущественную ответственность, поскольку эта обязанность относится к бюрократии “общественной бухгалтерской службе”, работающей также по принципу коллективной ответственности, при которой, как известно, никто ни за что не отвечает.

А. Шюллер писал, что пока по социальным причинам невозможно заменить отсутствующую индивидуальную имущественную ответственность расширением личной ответственности за счет доходов работников предприятия, у рабочего самоуправления на предприятиях (равно как и у исходных форм соучастия в управлении) не будет предпосылок для динамичного конкурентного развития рыночной свободы. Если же положение будет меняться, т.е. в качестве альтернативного решения не станет рассматриваться механизм, когда работники предприятий несут всеобъемлющую ответственность своими доходами, то права рабочих должны развиваться дальше в направлении концепции индивидуального участия в имуществе и индивидуальной имущественной ответственности на предприятии. При этом обнаруживается, что с каждым шагом в направлении защиты как личной собственности на имущество предприятия, так и рынков капитала, устанавливаются предсказуемые условия для эффективных и утверждающих свободу решений проблемы ответственности. Если же не идти по этому пути, то

практика самоуправляющегося социализма и соответствующих предписаний о соучастии и управлении будет постоянно находиться под угрозой деформации порядка в направлении всеобъемлющей дирижистской хозяйственной системы (Шюллер 2002, с. 372-373).

В статье 55 Трудового кодекса Республики Беларусь об обязанностях нанимателей при организации труда работников в пункте 13 есть упоминание о том, что наниматель обязан обеспечивать участие работников в управлении организацией, своевременно рассматривать критические замечания работников и сообщать им о принятых мерах (Трудовой кодекс... 1999).

Нельзя не согласиться с мнением Пауля Хензеля (Paul Hensel), что человеческая цивилизация организует хозяйственную деятельность и хозяйственное поведение человека через постоянную мотивацию его собственным целям, намерениям и задачам, т.е. частными хозяйственными интересами. Каждый хозяйствует для каждого и каждый в своем собственном обеспечении зависит от достижений всех остальных людей, участвующих в общем процессе разделения труда. Из этого следует, что каждый человек может осуществить свои интересы лишь тогда, когда он предварительно поработал для осуществления интересов других людей. Таким образом, если мы подразумеваем под социальными интересами каждого человека интересы всех других людей, с которыми он связан в процессе разделения труда, то можно сказать, что хозяйствование людей постоянно мотивировано частно-хозяйственными интересами, что в каждом случае люди постоянно служат социальным интересам (Хензель 2002, с. 181).

Существующая белорусская модель управления собственностью нуждается в существенной трансформации. Глобализация и усиливающаяся конкуренция заставляют национальные корпорации все активнее обращаться за капиталом на международные финансовые рынки. Естественно, при этом им приходится поступаться некоторыми национальными особенностями своего государственного управления, приближая его стандарты к требованиям международных инвесторов. В этой связи с достаточной уверенностью можно предположить, что белорусскую модель управления госсобственностью уже в обозримой перспективе ждут существенные изменения.

Источники и литература:

1. *Tut.by* (2012). “Промышленным грандам Беларуси меняют руководителей”. URL (доступ 12.06.2014). <http://news.tut.by/economics/328386.html>
2. Вильгеродт, Ганс (2002). “Зачем нужно государственное планирование в рыночном хозяйстве”. *Теория хозяйственного порядка: “Фрайбургская школа” и немецкий неолиберализм*. Москва: “Экономика”.
3. Декрет № 9 от 7 декабря 2012 г. “О дополнительных мерах по развитию деревообрабатывающей промышленности”.

- URL (доступ 22.09.2014). http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-9-ot-7-dekabrja-2012-g-1493/
4. Заяц, Александр и Яковлев, Сергей (2012). “Техноприбор” vs “Ольса”. Сократить нельзя объединить”. *Tut.by*. URL (доступ 12.06.2014). <http://news.tut.by/economics/325753.html>
 5. Заяц, Дмитрий (2012). “Чиновники придумали, как взять под контроль частные предприятия”. *Naviny.by*. URL (доступ 12.06.2014). http://naviny.by/rubrics/economic/2012/12/13/ic_articles_113_180197/
 6. Золотогоров, В.Г. (2004). “Экономика. Энциклопедический словарь”. 2-е издание. Минск, Книжный Дом.
 7. Ключко, В.Н. (2006). “Германская модель корпоративного управления: генезис, особенности и тенденции”. *Менеджмент в России и за рубежом*, № 6. URL (доступ 12.06.2014). <http://www.dis.ru/library/manag/archive/2006/6/4195.html>
 8. Королевич, Сергей (2012). “Декрет № 9 выходит на международную арену”. *Naviny.by*. URL (доступ 12.06.2014). http://naviny.by/rubrics/society/2012/12/25/ic_articles_116_180317/
 9. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (2004). *Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе 2014 г.* URL (доступ 22.06.2014). http://belstat.gov.by/bgd/public_bulletin/index_385/
 10. Носова, Марина (2012). “Нафтан” “раскулачивают” на 600 млрд рублей в фонд нацразвития”. *Tut.by*. URL (доступ 12.06.2014). <http://news.tut.by/economics/325923.html>
 11. Прохоров, Михаил (2011). “Про дележ общенародной собственности”. *Блог Михаила Прохорова*. URL (доступ 12.06.2014). <http://md-prokhorov.livejournal.com/80202.html>
 12. Репке, Вильгельм (2002). “Коренные вопросы хозяйственного порядка”. *Теория хозяйственного порядка: Фрайбургская школа и немецкий неоллиберализм*. Москва: “Экономика”.
 13. Рязанов, В. Т. и Осадин, Н.Н. (2006). “Вопросы теоретической экономики”. *Проблемы современной экономики*, № 1/2 (17/18). URL (доступ 12.06.2014). <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=929>
 14. *Статистический ежегодник Республики Беларусь* (2010). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
 15. *Статистический ежегодник Республики Беларусь* (2013). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.
 16. Трудовой кодекс Республики Беларусь 26 июля 1999 г. № 296-З. *Национальный правовой портал Республики Беларусь*. URL (доступ 12.06.2014). <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900296&p2>
 17. *Финансы Республики Беларусь* (2012). Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь.

18. Хензель, Карл Пауль (2002). “Основной закон и порядки хозяйствования. Исследование с позиций теории порядка”. *Теория хозяйственного порядка: “Фрайбургская школа” и немецкий неолиберализм*. Москва: ЗАО “Экономика”.
19. Шюллер, Альфред (2002). “Предпринимательская ответственность, экономический расчет и конкурентный порядок. К соотношению рыночной свободы и собственной ответственности”. *Теория хозяйственного порядка: “Фрайбургская школа” и немецкий неолиберализм*. Москва: “Экономика”.
20. Экономика: Общественная/государственная собственность (2005). *Экономика. Политика. Оксфордский словарь*. с. 1757.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Юлия Чайковская

Кандидат экономических наук, доцент
Беларусского государственного университета (Минск, Беларусь)
e-mail: j1931@yandex.ru

Рецензент: Константин Голубев, доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор Беларусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Статья получена 3 октября 2014, принята к публикации 20 ноября 2014

Аннотация

В представленной статье анализируются социальные и экономические результаты развития Республики Беларусь и Российской Федерации с момента распада Советского Союза в 1991 году. Автором рассмотрен современный уровень производства, структура экспорта и экономик в целом двух стран в сопоставлении с советской экономикой, выявлена значимость нефтяного сектора. Так же в работе проведено сравнительное исследование качества жизни беларусского и российского населения в 1990 году и в настоящее время.

Ключевые слова: экономическое развитие, Республика Беларусь, Российская Федерация, валовой внутренний продукт, качество жизни населения.

Введение

Распад Союза Советских Социалистических Республик (СССР) произошел в результате системных процессов, происходивших в его организационных, духовно-идеологических и экономических структурах. 26 декабря 1991 года Верховным Советом СССР была принята декларация о прекращении существования СССР как государства и субъекта международного права. Республика Беларусь и Российская Федерация, как и другие советские республики, стали независимыми государствами и с этого момента экономическое развитие стран пошло разными путями.

В 1990-е годы страны бывшего Советского Союза имели схожие проблемы в экономике, выражающиеся в глубоком производствен-

* Статья ранее была опубликована в журнале "Христианское чтение" № 1, 2014. В представленном здесь варианте статьи имеется уточненная статистика и пересмотрены некоторые положения исследования.

ном спаде, высокой инфляции, снижении инвестирования, увеличении внешнего долга, бартерных расчетах и кризисе неплатежей, снижении реальных доходов населения и многих других негативных явлениях. В этот период были осуществлены экономические реформы, в том числе либерализация цен, приватизация, построение рыночных институтов и интеграция в мировую экономику.

Российские реформы проходили быстрее и системнее, в Беларуси реформаторы придерживались градуалистических принципов, то есть в реформах присутствовала значительная поэтапность. В частности, правительство Беларуси предпочитает проводить более мягкую, чем в России денежно-кредитную политику и следствием этого является высокая инфляция в республике, превосходящая российскую во много раз. Так, национальные деньги Республики Беларусь и Российской Федерации “выросли” на основе советского рубля, сохранили название “рубль” и изначально стоили как один к одному. И сейчас доллар США 1 без деноминации в России стоил бы около 31,5 тысяч рублей, в то время как в Беларуси – около 90 миллионов, то есть внешняя инфляция в Беларуси превышает российскую почти в три тысячи раз. С учетом четырех нолей деноминаций, белорусские деньги с 1990 года понизились в стоимости к доллару в 150 миллионов раз.

Таблица 1. Некоторые показатели, характеризующие покупательную способность рубля в СССР и доллара в США в 1989 г.

Цены на товары для потребителей в 1989 г.	В Советском Союзе		В США	Во сколько раз паритеты цен в США были выше или ниже чем в СССР
	В рублях	Пересчет на доллары по официальному курсу	В долларах	
Хлеб ржано-пшеничный, 1 кг	0,16	0,27	1,5	5,63
Молоко 2,5%, 1 литр	0,24	0,40	0,8	2
Свинина, 1 кг	1,80	3,00	3,8	1,27
Плата за 2-х комнатную квартиру с коммунальными услугами, около	20,00	33,33	500,00	15
Костюм мужской, национального производства	120	200	120	0,60
Туфли мужские, национального производства	50	83,33	40	0,48
Бутылка водки, 05 л.	10	16,67	5	0,3
Бензин	0,20	0,33	0,4	1,2

Источник: Полетаев 2006, с. 48.

На 1 января 1990 года официальный курс доллара в Советском Союзе был равен 59 копейкам. Многие при этом вспомнят, что на черном рынке в 1990 году доллар в СССР стоил в 3-4 раза дороже рубля. Это было связано с товарным дефицитом в СССР и черный рынок, где товары в основном продавались за доллары, многократно завышает стоимость запрещенных в свободной продаже

¹ Далее по тексту – доллар.

вещей. Наглядный пример тому – запрещенные наркотические вещества, цена которых на черном рынке на порядки выше стоимости их производства. То же было и с долларами на черном рынке. Официальный же курс рубля к доллару и к валютам других стран определялся в СССР на основе соотношения стоимостей потребительской корзины в Советском Союзе и соответствующих странах. Как видно из табл. 1, в СССР были дешевле, чем в США продукты питания, коммунальные платежи и проезд на транспорте, а дороже одежда и алкоголь.

В Беларуси не проведена широкомасштабная приватизация крупных промышленных предприятий. При их акционировании акции в основном остались в собственности государства и, как следствие, государственные предприятия в экономике Беларуси играют доминирующую роль и на них приходится около 75 % валового внутреннего продукта (ВВП). Доля государственного сектора в России в ходе масштабной приватизации 1990-х годов, по экспертным оценкам, была доведена до критически низких 20%. Далее наблюдалось обратное движение, приведшее к ее увеличению в 2006 году до 38%, и сейчас она составляет около 50%. Рост был вызван влиянием мирового кризиса и построением макроэкономической политики, направленной на увеличение контроля над стратегически значимыми отраслями. Так, в ключевой для страны отрасли – нефтедобыче – в конце 1990-х годов государство контролировало лишь 10%, сейчас более 40%.

На сегодняшний день в соответствии с международными классификациями обе страны относятся к странам с переходной экономикой, и в соответствии с оценками экспертов Международного валютного фонда Россия достигла больших результатов в построении рыночной экономики по сравнению с Беларусью. Это определенный итог развития, но в тоже время, чтобы оценить, что приобрели страны в процессе трансформации, необходимо понять, что они потеряли.

Валовой внутренний продукт

В 1991 году валовой внутренний продукт (ВВП) по паритету покупательной способности валют (ППС) в РСФСР почти достигал 1,2 трлн долларов (СССР к моменту распада имел ВВП более 2,5 трлн). В 1995 году ВВП по ППС в России составил всего 0,8 трлн долларов – это потери около 30%. Аналогичное снижение ВВП было и в белорусской экономике (World bank 2014). Эти цифры сопоставимы со снижением производства в 1941-1944 годах на оккупированных немцами территориях СССР, в то время как общее снижение ВВП в Советском Союзе по сравнению с 1940 годом составило менее 20% (Народное хозяйство... 1991). Таким образом, можно сделать вывод, что распад Советского Союза привел к более тяжелому экономическому кризису в сравнении с немецко-советской войной 1941-1945 годов.

Не столь губительно это изначально сказалось на изменении численности населения Беларуси и России, сокращение которого в период начала реформ было в пределах 4,5%, в то время как производительность труда упала почти в два раза. Сейчас производительность труда в Беларуси и России остается ниже, чем в самых развитых странах, однако наблюдаются высокие темпы роста данного показателя и, начиная с 2000-х годов, экономики Беларуси и России демонстрируют достаточно стабильный рост, что привело к увеличению ВВП на душу населения. В табл. 2 представлена динамика изменения ВВП на душу населения с учетом паритета покупательной способности в Республике Беларусь, Российской Федерации и ряде стран.

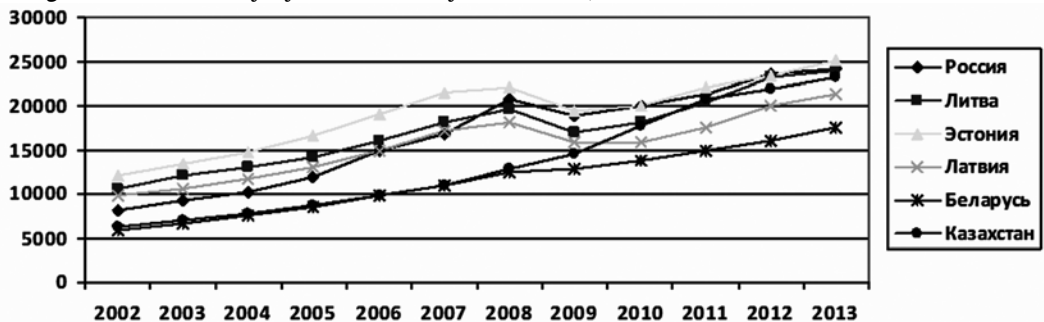
Таблица 2. ВВП стран в расчете на душу населения с учетом паритета покупательной способности, долл.

Страна	1990	1991	1995	1999	2002	2005	2008	2011	2013
Россия	8 013	7 850	5 613	5 950	8 029	11 852	20 276	21 245	24,120
Беларусь	4 646	4 744	3 416	4 754	5 940	8 540	12 438	14 937	17615
Литва	9 310	9 065	6 197	8 015	10 566	14 197	19 559	20 320	23876
Польша	5 966	5 724	7 407	9 895	11 563	13 784	18 019	21 260	23275
Еврозона	16 562	17 501	19 864	23 157	26 563	29 267	34 758	35 270	37756
США	23 037	23 443	27 559	33 332	36 819	42 516	46 759	48 111	53143

Источник: World bank 2014.

Сегодняшняя Россия входит в десятку лидирующих по объему производства стран мира, занимая по оценке номинального ВВП восьмое место в мире, а по ВВП с учетом ППС – шестое. Доля России в мировом ВВП в 2012 году составила 4,1 %. Республика Беларусь занимает 61 позицию в мировом производстве, ее доля составляет около 0,1% мирового ВВП, население в 15 раз меньше населения России. В 2012 году по прогнозным данным Всемирного банка Россия вышла в лидеры по показателю ВВП на душу населения среди республик бывшего Советского Союза. Изменения в ВВП шести наиболее экономически развитых стран – бывших республик СССР – представлены на диаграмме рис. 1.

Рисунок 1. ВВП на душу населения с учетом ППС, долл.

Источник: World bank 2014.

Структура экономик Беларуси и России

Значимым плюсом развития стран выступает тот фактор, что в современной Беларуси и России нет никакого дефицита продуктов питания и отсутствует дефицит потребительских товаров, характерный для Советского Союза. Для продовольственного рынка это связано с существенным увеличением производительности в этом сегменте. Для того чтобы прокормить население Советского Союза, требовалось выделять порядка 4% ВВП на решение продовольственных задач, сейчас на эти же нужды требуется не более 1,6% российского ВВП. Более высокий объем продовольственного сектора в странах объясняет изобилие продуктов питания и является статьей экспорта РБ и РФ. Таким образом, можно сделать вывод о грамотной выстроенной политике обеспечения продовольственной безопасности в обеих странах.

В современной России производство потребительских товаров снизилось до крайне низкого уровня – 1,35% от общего объема производства (против 8,5% в СССР) и товары легкой промышленности импортируются в больших объемах (Федеральная служба... 2013). В Беларуси легкая промышленность занимает 3,6% в структуре промышленного производства страны в 2012 году и ее доля снижается ежегодно, что связано с международным разделением труда и сложившейся специализацией стран (Национальный статистический... 2013).

За последние двадцать лет в странах существенно увеличился сектор услуг. Пока невозможно говорить о построении постиндустриальных обществ, характерных для экономически развитых стран, где сектор услуг является доминирующим как, например, в США, где вес сферы услуг в выработанном ВВП составляет почти 80%. Но движение в этом направлении просматривается, и Россия добилась в этом больших успехов, чем Беларусь, что видно по данным табл. 3.

Таблица 3. Распределение ВВП России и Беларуси по секторам, %

Страна	Сельское хозяйство	Промышленность	Сфера услуг
Россия, 2012	4,5	36,9	58,6
Беларусь, 2012	9,5	46,2	44,4
СССР, 1975	14,2	64,7	21,1

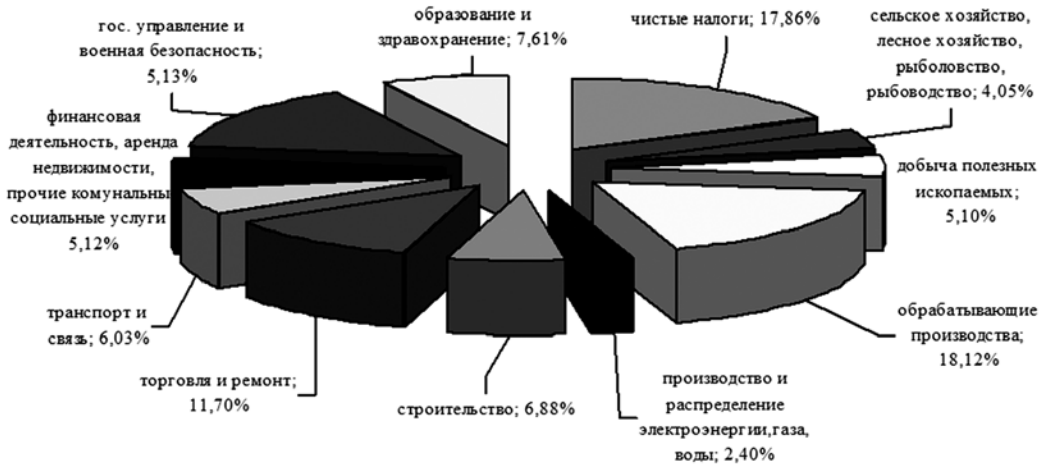
Источник: Федеральная служба... 2013; Национальный статистический... 2013; Народное хозяйство... 1991.

По сути, экономическая структура современной России была заложена в 1950-х годах, это очевидно при сопоставлении структуры ВВП Советского Союза и сегодняшней России (рис.2). Именно в конце 1950-х годов Советский Союз начал создавать базу для сы-

рьевой экономики, а в 1960-е годы одной из основных задач ставил закрепление за собой статуса энергетической сверхдержавы. Плоды политики тех лет пожинает современная Россия.

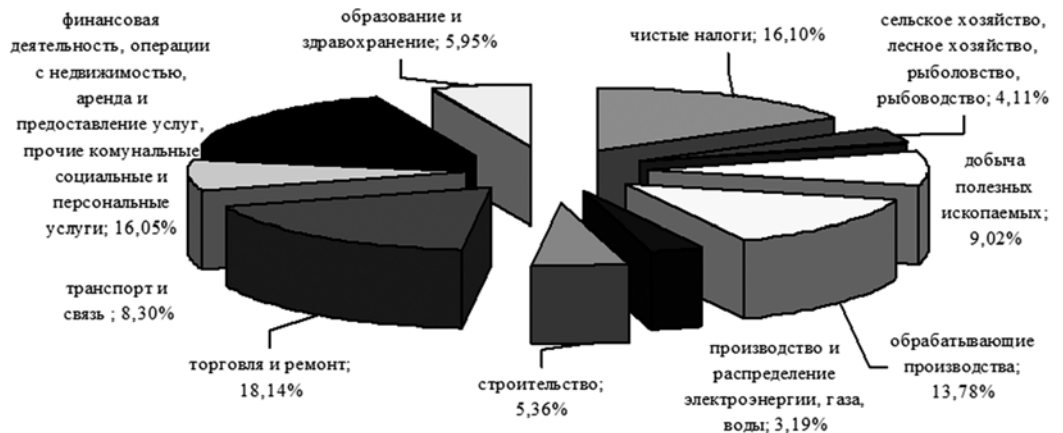
Как видно из диаграмм, доля добывающей промышленности России в общем объеме производства увеличилась до 9%, в то время как обрабатывающая промышленность и строительная отрасль существенно сократились. Так же уменьшились государственные расходы на образование и здравоохранение.

Рисунок 2а. Структура ВВП советской экономики 1980-х гг.

Источник: Народное хозяйство... 1991.

Рисунок 2б. Структура ВВП Российской Федерации

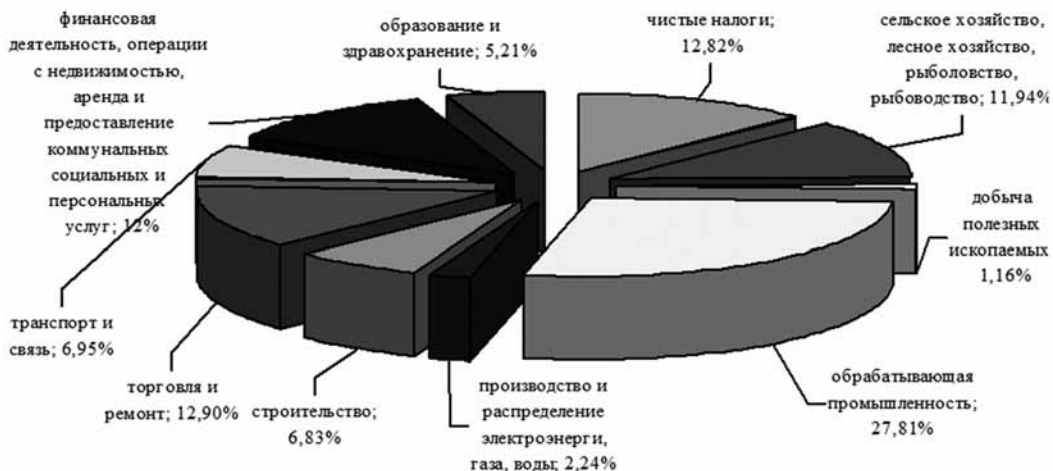

Источник: Федеральная служба... 2013.

Структура белорусской экономики сформирована по другому принципу. На обрабатывающую промышленность приходится около 28% ВВП страны, добыча полезных ископаемых, в основном калийной соли, занимает чуть более 1%, объемы строительной отрасли сохранены на

советском уровне, а государственные расходы на образование и здравоохранение меньше российских.

Рисунок 2в. Структура экономики Республики Беларусь

Источник: Национальный статистический... 2013.

Значимость нефтяного сектора

После распада Советского Союза главной статьёй дохода бюджета России стала продажа нефти и газа. К середине 1990-х годов прибыль от продажи природных ресурсов составляла более двух третей всего российского экспорта. Примерно в это время родилось выражение «Россия села на нефтяную иглу». Эта зависимость присуща и современной России.

Сейчас Российская Федерация является одним из крупнейших производителей нефти в мире и по объемам добычи она занимает третье место после Саудовской Аравии и США. Вместе с другими странами СНГ Россия обеспечивает более 10% от общего объема мирового нефтяного рынка. Несмотря на весомость этих цифр, можно говорить о снижении значимости России и стран СНГ в этом сегменте, так как в 1987 году в Советском Союзе добыча нефти приближалась к 540 млн тонн в год, что составляло почти 20% от мировой добычи.

Следует иметь в виду, что экономика Советского Союза, а теперь России отличается крупными объемами и многообразием имеющихся природных ресурсов. По многим из них страна занимает ведущее место в мире по разведанным запасам: природный газ – 30% от мировых запасов, нефть – 10%, уголь – 12%. Причем в настоящее время на нее приходится в среднем 12% мировой добычи нефти, 28% – природного газа, 12% – угля. Но не только добычей энергоресурсов характеризуется российский вклад в копилку мировой экономики. Кроме энергоресурсов в России добывается 55% от мирового производства апатитов, алмазов – 26%, никеля – 22%,

калийных солей – 16%, железной руды – 14%, цветных и редких металлов – 13%, и в ее недрах имеется немало других видов минеральных ресурсов (Природно-ресурсный потенциал... 2014). На такой природно-ресурсной базе в СССР была создана самая мощная в мире горнодобывающая промышленность.

Более полное представление о величине основных видов разведанных полезных ископаемых России дает оценка их стоимости. Согласно данным Организации Объединенных Наций (ООН), в настоящее время она может быть определена в величину примерно 30 трн долларов или свыше 200 тыс. долларов на одного россиянина. При этом прогнозный потенциал природных ресурсов оценивается в 150 трн долларов. Благодаря природным запасам Российская Федерация оценивается как самая богатая страна в мире по размеру национального богатства.

Несмотря на постепенное снижение за последнее десятилетие доли нефтяного сектора в ВВП страны, Россия остается одним из ведущих экспортеров нефтепродуктов. На ее долю приходится около 7% общемировых мощностей по нефтепереработке. Этот потенциал реализуется не в полной мере: доля России по объему переработанной нефти снизилась с 9% от мирового объема в 1990 году до 5% в настоящее время.

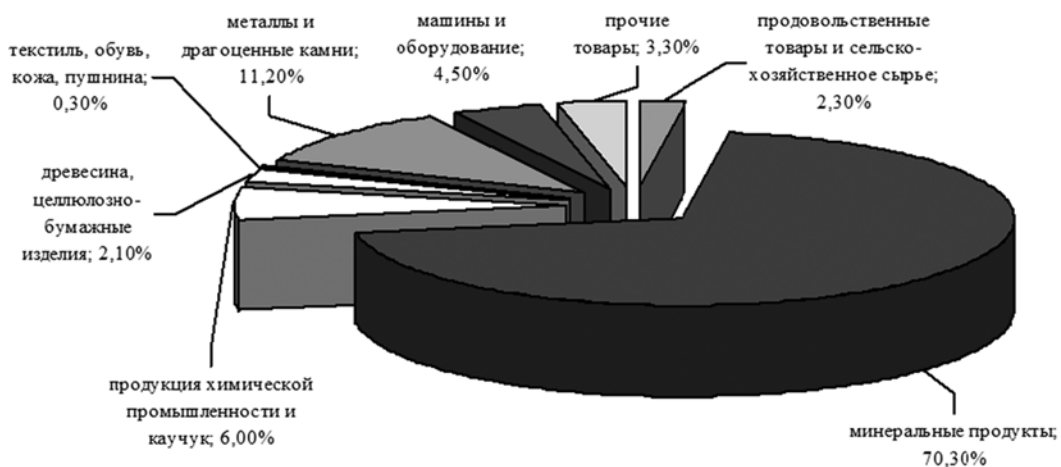
В советской экономике успешно действовала отрасль по производству оборудования для нефтегазовой промышленности. Сегодня российский уровень развития производства и технологии для нефтегазовой промышленности таков, что почти все современные ее образцы приходится закупать в странах Запада. По масштабам фактической нефтепереработки Россия переместилась со второго места после США на четвертое, пропустив вперед Японию и Китай. А по уровню потребления нефтепродуктов на душу населения Россия находится сейчас на 14-м месте в мире, уступая, помимо развитых стран, таким государствам, как Нигерия. Кроме того, оборудование на российских нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ) сильно изношено и морально устарело. По износу основных фондов нефтепереработка лидирует в российском топливно-энергетическом комплексе, средний показатель износа по которому составляет 80%.

Текущий коэффициент извлечения нефти в России снизился в сравнении с советской плановой экономикой более чем в 2 раза – с 50-55% до 20-25%. Хотя даже при используемой ныне не самой эффективной технологии его значение должно быть не менее 32-35%. Глубина переработки нефти в России по данным Росстата за 12 лет (1998–2010 годы) повысилась с 64 до 71,2%, но в то же время ее уровень сильно отстает от развитых стран, где он достигает 85-95%. При этом в утвержденной в 2009 году правительством РФ Энергетической стратегии развития страны до 2030 года прогнозируются не впечатляющие изменения в эффективности работы нефтяной отрасли. Так, доля переработки нефти в общем добываемом объеме должна измениться следующим образом: 2020

год – 48,3%; 2030 год – 56,1%. В свою очередь, глубина переработки нефти должна возрасти с текущего уровня в 72% до 84% в 2020 году и 89% в 2030 году. Тем самым на 20 лет растягивается срок приближения к современным стандартам переработки нефти и технологический рынок в нефтяной отрасли, которая является главным поставщиком валюты для страны, даже и не прогнозируется (Рязанов 2011).

По данным Министерства экономического развития в общем объеме экспорта России по результатам 2012 года, доля топливно-энергетических товаров составляла 70%, в том числе доля нефти и нефтепродуктов составляла около 53%, доля газа – около 12%. Основные позиции российского экспорта представлены на диаграмме рис. 3.

Рисунок 3. Экспорт Российской Федерации

Источник: Федеральная служба... 2013.

Доля нефтегазовой промышленности в структуре ВВП постепенно снижается, но пока остается существенная зависимость современной России от экспорта сырьевых ресурсов. Принятый российским правительством курс на модернизацию не привел к значимым результатам. По экспертным оценкам модернизация сможет весомо проявить себя лишь к 2020 году. К этому времени прогнозируется существенный рост объемов производства электроники, развитие гражданского и военного судостроения, авиастроения и качественный скачок в производстве космической техники.

Для Беларуси нефтяной сектор так же имеет стратегическое значение. Лидером белорусского экспорта традиционно являются нефтепродукты, доля которых в общем объеме экспорта 2012 года составила 31,6% (Национальный статистический... 2013). Группу этих товаров формировал бензин, дизельное топливо и мазут, биотопливо, растворители и разбавители. Импорт нефтепродуктов и сырой нефти в Беларусь незначительно превышает экспорт нефте-

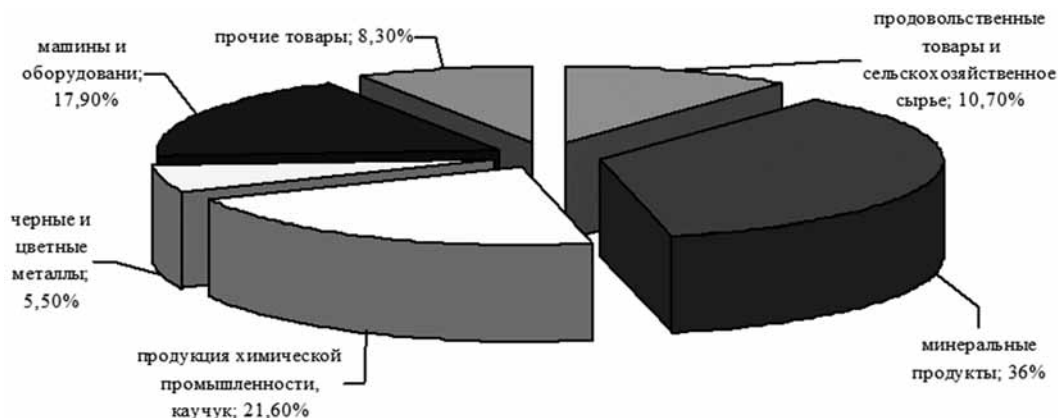
продуктов, но в то же время можно уверенно утверждать, что нефтеперерабатывающая промышленность остается “локомотивом” развития внешней торговли и белорусской экономики в целом.

В стране добывается около 1,7 млн тонн собственной нефти и вся белорусская нефть идет на экспорт. Это связано с тем, что экспортная цена нефти составляет более 750 долларов за тонну, в то время как цена импорта нефти для нужд белорусской экономики и на переработку, поставляемая из России, сейчас приблизительно равна 400 долларам за тонну. Именно это позволило Беларуси эффективно выстроить свой нефтяной бизнес. Внутренние потребности экономики республики составляют всего 6,8 миллиона тонн, при этом на 2014 год Беларусь добывается поставок российской нефти в объеме 23 млн тонн.

На сегодняшний день Беларусь является лидером на постсоветском пространстве в сфере нефтепереработки. По территории Беларуси проходят нефтепроводы и нефтепродуктопроводы и это кратчайшее транспортное плечо для экспорта нефтепродуктов на Запад. Мощности двух крупных белорусских нефтеперерабатывающих заводов втрое превышают потребности внутреннего рынка, кроме того белорусские нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) наиболее модернизированы и возможностей для такой эффективной переработки нефти у других стран СНГ просто нет. Средняя глубина переработки нефти на территории Республики Беларусь около 90% , в то время как российские возможности переработки – 72%.

Структура белорусского экспорта, в котором так же как и в российском экспорте преобладают минеральные продукты, все же несколько отличается от российского – вторую по значимости позицию занимает продукция химической отрасли, на третьей позиции – машины, транспортные средства и оборудование (рис. 4).

Рисунок 4. Экспорт Республики Беларусь

Источник: Национальный статистический... 2013.

Качество жизни населения

Крайне интересным аспектом анализа последствий распада Советского Союза является изменение качества жизни населения стран СНГ, то есть произошедшее изменение степени удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей человека. Этот качественный параметр полностью не поддается количественной оценке, но определенные складывающиеся его факторы можно представить в цифрах.

Начнем с анализа населения. В России к первой революции 1905 года проживало примерно 135 млн человек, в то же время необходимо учитывать, что в начале XX века Российская империя была огромна и включала часть Польши, всю Финляндию, большинство крупных республик бывшего СССР. Максимальное число жителей было зафиксировано в советские годы. Так, в конце существования СССР население всего Союза достигало 290 млн человек (1991 год). С 1991 года до середины 2000-х годов наблюдалось серьезное сокращение населения во всех странах СНГ, однако процесс удалось остановить, и с 2003-2004 годов наблюдается его прирост. Недавняя перепись населения России 2010 года дала цифру в 145 млн человек, сейчас на сайте Федеральной службы государственной статистики количество россиян определено как 143 млн 347,1 тыс. человек.

Население Беларуси в начале XX века было более шести с половиной млн человек во времена Советского Союза, а достигнув максимума в 1994 году в размере 10 млн 243,5 тыс. человек, далее пошло постоянное уменьшение населения. В 2012 году в Беларуси жили чуть мене 9,5 млн человек. Можно сделать вывод, что современной Беларусью и Россией в значительной степени упущен один из важнейших факторов развития – рост численности населения.

Продолжительность жизни в СССР эпохи “застоя” и до эпохи Горбачева была высокой, и страна входила в 1985 году в первую десятку стран мира с высокой средней продолжительностью жизни, равной 71,4 года (Андреев и другие 1993). Трансформационные 1990-е годы с межнациональными конфликтами, фальсифицированным алкоголем, тяжелой криминальной ситуацией и бедственным состоянием медицины привели к снижению этого показателя, и средняя продолжительность жизни на фоне ухудшения качества самой жизни пошла вниз, достигнув 56 лет для мужчин в 1997 году. Сейчас она составляет в России по данным на 2012-й год 70,3 года, для мужчин – 64,3 года, для женщин – 76,1 (Федеральная служба... 2013). По Беларуси цифры чуть лучше – прогнозируемая продолжительность жизни равна 77,6 года, для мужчин – 66,6 года, для женщин – 77,6 (Национальный статистический... 2013). Это положительный, но достаточно скромный результат. По оценкам экспертов Организации Объединенных Наций, в 2010-2015 годах ожидаемую продолжительность жизни для обоих полов 70 лет и более будут иметь 57 % населения мира.

Более широкую возможность для межстранового сравнения и измерения уровня жизни, грамотности, образованности и долголетия как одних из основных характеристик качества жизни предоставляет индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Индекс публикуется в рамках Программы развития ООН в отчетах о развитии человеческого потенциала, начиная с 1990 года, и в первом отчете Советский Союз занимал 26 место. В середине 1990-х годов можно наблюдать закономерное снижение рейтинга, но далее идет постепенное улучшение ситуации. В отчете 2013 года Беларусь занимает 50 место, а Россия 55 место в списке из 187 стран, таким образом, входя в группу стран с высоким ИРЧП (United Nations... 2013).

Безработица в современной России в 2012 году составляла 5,5%, что является неплохим показателем в мировой статистике, однако цифры по Республике Беларусь производят гораздо большее впечатление. Официальная, то есть зарегистрированная государственными службами занятости, безработица в 2012 году составляла 0,5%. Метод достижения такого результата крайне прост – это невыгодность безработицы. Пособие по безработице в Беларуси в 2012-2013 годах в среднем составляет 15 долларов (в России – около 140 долларов), что не выступает стимулом регистрации статуса безработного. Как следствие, скрытая безработица в Беларуси оценивается на уровне 5-6%. Кроме того, необходимо учитывать, что средняя зарплата в Беларуси существенно ниже российского уровня (на середину 2014 года средняя зарплата в России составляла около 750 долларов, в Беларуси – 580 долларов) и часть населения Беларуси работает в России.

Существенной проблемой современной российской экономики является расслоение населения по доходам. Для анализа неравенства доходов населения используют два показателя – индекс Джини и децильный коэффициент. Индекс Джини (коэффициент концентрации богатства) – статистический показатель степени расслоения общества страны или региона, то есть он определяет степень отклонения распределения доходов по группам населения от равномерного. Чем он ближе к нулю, тем более равномерное распределение доходов; чем ближе коэффициент Джини к единице, тем больше доходы концентрируются самой богатой группой граждан. Для Советского Союза в 1991 году он был равен 0,24, для России коэффициент Джини в 2012 году – 0,42. Второй показатель – децильный коэффициент, равный отношению дохода, достигающегося самым обеспеченным 10% населения, к доходу 10% самых малоимущих. В странах Западной Европы он колеблется в пределах 5-7, критически же допустимым уровнем этого индикатора считается “десятка”. По данным Федеральной службы государственной статистики, для Российской Федерации децильный коэффициент составляет 16,6, что отражает реальные проблемы дифференциации доходов россиян. Максимальное значение децильного коэффициента, согласно официальной статистике, было

в 2008 году, когда дифференциация доходов достигала разницы в 16,8 раз (Федеральная служба... 2013).

В Беларуси расслоение населения произошло в меньшей степени. Коэффициент Джини по всей республике составляет 0,34, а децильный коэффициент равен 5,9, что соответствует уровню европейских стран (Национальный статистический... 2013).

Далее попробуем оценить покупательскую возможность и сопоставить в табл. 4 реальные доходы современного населения Российской Федерации, Республики Беларусь и Советского Союза.

Таблица 4. Примеры, что можно было купить в магазинах Советского Союза, Российской Федерации и Республики Беларусь за среднюю зарплату в 1990 и 2012 гг.

Товары и услуги	1990 год: средняя месячная зарплата работников в СССР - 269 рублей		2012 год: средняя месячная зарплата работников в РФ - 26629 рублей		2012 год: средняя месячная зарплата работников в РБ - 3066900 рублей		Покупательная способность в 2012 году к покупательной способности в 1990 году	
	Цена в рублях за единицу	Можно купить на зарплату	Цена в рублях за единицу	Можно купить на зарплату	Цена в рублях за единицу	Можно купить на зарплату	РФ	РБ
Хлеб ржано-пшеничный, 1 кг	0,16	1681	32	832,2	6000	511	0,49	0,3
Молоко 2,5%, 1 литр	0,24	1121	35	760	5250	585	0,67	0,5
Свинина, 1 кг	1,80	149	300	88,7	44240	69	0,59	0,44
Плата за коммунальные услуги двух комнатной квартиры, около	20,00	13,45	3500	7,6	300000	10	0,56	0,74
Костюм мужской, национального производства	120	2,2	5800	4,6	1015000	3	2,1	1,36
Туфли мужские, национального производства	50	5,4	3000	8,9	50000	6,1	1,64	1,12
Бутылка водки, 05 л.	10	27	200	133	30000	102	4,9	3,7
Бензин А-92	0,20	1345	28	951	6500	471,8	0,7	0,35

Источник: Народное хозяйство... 1991; экспертные оценки цен в Беларуси и России в 2012 г.

Как видно из таблицы, среднестатистический белорус и россиянин на свою зарплату сейчас может купить меньше продуктов питания, чем в 1990 году, зато алкоголь стал намного доступнее – среднедушевой доход, пересчитанный на алкоголь, вырос для россиян почти в 5 раз. Проведенное исследование цен показывает, что на “рубль” теперь можно купить намного большее количество товаров, чем в советское время. Согласно официальной статистике, объем потребления населения России вырос в 1,45 раза, так же существенно увеличился сводный индекс благосостояния. Благосостояние росло в основном за счет непродовольственных товаров и товаров длительного пользования: число телевизоров на семью выросло с 1 до 1,6, автомобилей на 1 тыс. человек – втрое.

Значимой современной проблемой является обременительный удельный вес обязательных расходов домашних хозяйств, связанный с оплатой коммунальных услуг. В пересчете на стоимость жилищно-коммунальных услуг средний доход упал почти вдвое.

В 1989 году на покупку квартиры через жилищно-строительный кооператив (ЖСК) или на постройку дома могли рассчитывать 10% домохозяйств, сейчас около 20%, но большинство из них берут ипотечные кредиты, продавая прежнюю приватизированную квартиру. Если откладывать всю зарплату полностью, отказавшись от любых расходов, то в 1989 году можно было накопить на квартиру в 54 кв. метра за 3 года, в 2012 году – за 6 лет (исключая крупнейшие города России). Можно оценивать как снижение уровня жизни и тот фактор, что в настоящее время жилье приходится покупать, а в советское время в большинстве случаев оно было бесплатным. Вместе с тем, обеспеченность россиян жильем выросла на 40% до 22 кв. метра на человека (6% роста – за счет снижения количества населения). Улучшилось качество жилья, доля коммуналок уменьшилась почти в четыре раза.

В заключении можно сделать вывод о том, что качество жизни стало иным. В Советском Союзе жизнь была стабильна, не было безработицы и высокой инфляции, но был дефицит товаров при их низких качественных характеристиках и практически отсутствии сектора услуг. Сегодня выбор товаров и услуг на рынке огромен и ограничением выступает только доход потребителя. Советский Союз и современные постсоветские страны – это разные экономики с разным типом соотношением функций потребления и спроса. Раньше был неудовлетворенный спрос на товары из-за недостатка их предложения, а сейчас в Беларуси и России сформирована “экономика потребления” по примеру западных стран, предложение товаров и услуг огромно и неудовлетворенным является только спрос на деньги.

Источники и литература:

1. United Nations development programme (2013). *Human Development Report. The Rise of the South: Human Progress in a Diverse World*. New York.
2. World Bank (2013). *World Development Indicators*. Washington DC.
3. Андреев, Е.М., Дарский, Л. Е. и Харькова, Т. А. (1993). “Население Советского Союза 1922-1991 гг.” Москва: Наука.
4. Лойко, Петр (2002). “К проблеме оценки природных ресурсов и земли как составляющих национального богатства страны”. *Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование*, №2-3 (11-12). URL (доступ 03.03.2014). http://dpr.ru/journal/journal_9_7.htm

5. Народное хозяйство СССР в 1990 г. (Статистический ежегодник) (1991). М.: “Финансы и статистика”. URL (доступ 8.08.2014). <http://istmat.info/node/433>
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (2013). Статистические сборники. URL (доступ 11.08.2014). <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/industry1.php>
7. Полетаев, Андрей (2006). “Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами Америки, 1960-2004 гг.” Москва: ГУ ВШЭ.
8. Рязанов, Виктор (2011). “Экономика рентных отношений в современной России”, *Христианское чтение*, №4. с. 149-176.
9. Федеральная служба государственной статистики (2013). Статистические сборники. URL (доступ 13.08.2014): http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uov/uov_32g.htm

ПОСТКРИЗИСНАЯ ЭКОНОМИКА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Виктор Рязанов

Доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)
e-mail: v.rjazanov@econ.pu.ru

Рецензент: Константин Голубев, доктор экономических наук, кандидат богословия профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь)

Статья получена 5 октября 2014, принята к публикации 18 ноября 2014

Аннотация

В статье раскрываются возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве. На опыте Европейского Союза обосновываются достоинства и преимущества интеграции в период общего экономического подъема, а ее ограничения и недостатки становятся значимыми в период кризисных потрясений. Развитие интеграции на постсоветском пространстве выступает важным средством объединения усилий стран по выходу из кризиса и укрепления их позиций на мировом рынке. Приводятся данные социологических опросов об интеграционных предпочтениях населения постсоветских государств. В заключении анализируются возможности и условия развития региональной интеграции в СНГ.

Ключевые слова: постсоветские государства, интеграционный процесс, экономическая модель интеграции, интеграционный опыт ЕС, Таможенный союз, интеграционные предпочтения населения.

|

Произошедший мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 годов характеризовался не только большим масштабом, но и возникшими при выходе из него проблемами. Формально индустриально развитые страны, которые оказались в эпицентре кризиса, перешли в фазу восстановительного роста уже в конце 2009 года. Однако последующие события свидетельствовали о том, что в действительности произошел всего лишь восстановительный краткосрочный подъем с ограниченным масштабом и противоречивыми проявлениями в разных сферах хозяйственной деятельности (см. табл.1). Есть достаточные основания предполагать, что мировое хозяйство вступило в длительную фазу нестабильности с характерным для нее неравновесным состоянием. Это означает, что к постоянно усиливающейся изменчивости рынков добавляется нестабильность самой глобальной экономики. Поэтому для ее функционирования приоритетное значе-

ние приобретает выработка нового подхода к экономическому регулированию применительно к неустойчивым и быстро меняющимся ситуациям в экономике.

Таблица 1. Прирост (падение) реального ВВП в мире и отдельных странах в 2005-2013 гг. и прогноз на 2014-2015 гг., %

Страны	Годы									
	2005-2012	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015*
Развитые страны	1.2	2.5	0.1	-3.7	2.6	1.5	1.3	1.0	1.9	2.4
США	1.5	1.8	-0.3	-2.8	2.5	1.8	2.8	1.6	2.5	3.2
Япония	0.5	2.2	-1.0	-5.5	4.7	-0.6	1.9	1.9	1.5	1.2
ЕС-27	1.0	3.2	0.4	-4.5	2.0	1.7	-0.4	-0.1	1.4	1.9
Великобритания	0.8	3.4	-0.8	-5.2	1.7	1.1	0.1	1.4	2.2	2.4
Еврозона (17)	0.8	3.0	0.4	-4.4	2.0	1.6	-0.7	-0.5	1.1	1.6
Германия	1.4	3.3	1.1	-5.1	4.0	3.3	0.7	0.4	1.9	1.9
Франция	0.9	2.3	-0.1	-3.1	1.7	2.0	0.0	0.1	0.8	1.1
Италия	-0.3	1.7	-1.2	-5.5	1.7	0.5	-2.5	-1.8	0.8	1.4
Переходные экономики	4.3	8.7	5.3	-6.5	4.7	4.6	3.2	2.0	3.3	4.0
Россия	4.0	8.5	5.2	-7.8	4.5	4.3	3.4	1.5	2.9	3.6
Развивающиеся страны	6.1	7.9	5.4	2.7	7.7	5.9	4.7	4.6	5.1	5.3
Китай	10.5	14.2	9.6	9.2	10.4	9.3	7.7	7.7	7.5	7.3
Индия	7.7	9.7	5.3	7.4	10.1	7.3	5.1	4.8	5.3	5.7
Бразилия	3.6	6.1	5.2	-0.3	7.5	2.7	0.9	2.5	3.0	4.2

Источник: United Nations 2014

В этой связи повышенного внимания заслуживает оценка перспектив интеграционных процессов на глобальном экономическом пространстве. Она тем более необходима, поскольку выдвигаемая до кризиса концепция форсирования глобализации, призванной снять ограничения экономического роста за счет масштаба рынка, фактически себя дискредитировала. Существующие международные управляющие центры и наднациональные регуляторы не только не предотвратили наступление глубокого мирового экономического кризиса, но и оказались несостоятельными в его преодолении (Рязанов 2012).

Почему произошел такой крутой сбой в деятельности глобальных институтов? Почему они оказались столь малоэффективными в тяжелой кризисной ситуации?

Во-первых, абсолютизация принципа саморегулирования рынков в хозяйственной деятельности полностью дискредитировала себя. Неолиберальное представление о том, что “провалы рынка” в национальных экономиках удастся преодолеть за счет экспансии рынков “вширь и вглубь”, не подтвердилось. Ставка на глобальные рынки

обернулась их глобальным разрушением. В итоге опора на “эффективные рынки” закономерно приводит к действию принципа: “бизнес присваивает доходы, государство (общество) оплачивает его убытки”.

Во-вторых, предпринимаемые экстренные антикризисные меры, направленные на установление контроля и регулирующего влияния межгосударственных институтов над финансовыми операциями и хозяйственными процессами, также не смогли эффективно работать из-за недостаточной их легитимности. То, что в подавляющем своем масштабе они носили рекомендательный характер, резко снижало их применительную силу. К тому же предлагаемые решения, вырабатываемые путем непростого и длительного согласования позиций участников переговоров, отличающиеся несовпадающими интересами и представлениями, неизбежно носят половинчатый характер, не позволяющий осуществлять назревшие коренные реформы. С этим связаны постоянное запаздывание в подготовке даже рекомендательных решений и фактически неспособность договориться о радикальных преобразованиях.

Неповоротливость и низкая эффективность глобальных регуляторов, проявленные в условиях кризиса, предопределили первую реакцию на кризис глобализации. Вместо “большой глобализации” акцент переносится на “малую глобализацию” в варианте регионализации мирового хозяйственного пространства.

Каковы возможности и перспективы “малой глобализации”?

Усиление роли региональных интеграционных объединений, созданных в достаточно однородной социокультурной и хозяйственной среде, может рассматриваться как более реалистичный проект форматирования интегрированных экономических пространств. Он дает возможность успешнее вырабатывать согласованные и взаимовыгодные решения, формировать общие принципы регулирования хозяйственной деятельности и проводить единую политику, используя наднациональные регулирующие органы. Немаловажным преимуществом региональных экономических союзов является возможность сокращения трансграничных издержек за счет прозрачности границ.

В известном смысле регионализацию даже можно трактовать как своеобразную альтернативу “большой глобализации” и одновременно как попытку преодоления возникшего в ней системного кризиса. Заметим, что свобода доступа участников региональных блоков на рынки своих стран в принципе противоречит идеологии единого глобального пространства, и в силу этой причины она вызывала весьма сдержанное отношение к ней институтов большой глобализации.

Процесс укрепления регионализации отражает реально существующую сегментацию глобализации в мировом хозяйстве, обусловленную неодинаковой степенью включенности регионов и отдельных стран в интеграционные процессы и разными уровнями развития экономик. Более того, благодаря регионализации создание многомерных и тяжеловесных центров глобального управления может

быть замещено построением более эффективных и эластичных региональных управленческих структур и регуляторов, трансформирующих мировое хозяйство в определенную совокупность “больших экономических пространств”. Вероятно, при таком понижении уровня глобального управления до регионального сохранится потенциал развития межстрановых объединений на основе использования фактора расширения емкости рынка и возможности сохранения контроля над ключевыми ресурсами.

Не случайно процесс регионализации в мировой экономике становится значимым способом объединить усилия групп стран по преодолению последствий кризиса и укрепить позиции на рынках в условиях глобальной экономической нестабильности и обострения конкурентной борьбы. Потенциально он может привести к серьезной перестройке в мировом хозяйстве с появлением более крупных региональных организаций (или перегруппировкой действующих) и даже коалиций государств по защите общих интересов, которые, тем не менее, будут конкурировать друг с другом вплоть до варианта “столкновения цивилизаций”.

В 2010 году в мире насчитывалось свыше 20 “продвинутых” интеграционных объединений, ставящих своей целью постепенное объединение их хозяйств путем сближения экономико-правового механизма хозяйствования, прежде всего во внешнеэкономической сфере. Что же касается более простой формы регионализации, к которой относятся региональные торговые соглашения, то их число превышает 280.

Такой представляется общая ситуация с активизацией интеграционных процессов в мировом хозяйстве. Закономерно, что она не могла не оказать своего влияния на форматирование и переформатирование на евразийском пространстве.

II

Произошедший в 1991 году распад СССР и последующие дезинтеграционные процессы требуют адекватного ответа на возникающие новые вызовы и угрозы. Скорее всего, именно они лежат в основании зарождения нового интеграционного процесса, дополняя саму логику возникновения и укрепления взаимодействия и сотрудничества государств.

Предварительно напомним, что евразийское пространство на протяжении длительного периода находится в ситуации поиска сбалансированного и гармоничного взаимодействия разных народов, живущих на этой территории. Такой исторический опыт ценен, и его нельзя игнорировать. С некоторой условностью можно рассматривать современный этап зарождения интеграционного процесса третьей его попыткой, имея в виду предшествующие этапы в виде Российской империи и Советского Союза. Специально не обсуждая мотивы и причины, преимущества и недостатки предшествующих политико-экономических союзов, тем не менее, отметим, что сам по

себе факт распада свидетельствуют об их неустойчивости или исчерпанности, требующие упреждающего переформатирования, которое в силу разных причин не произошло. Можно долго спорить о том, насколько реалистичной была возможность перехода к новой форме интеграции, минуя разрушительные процессы. Во всяком случае, нынешний, как и предшествующий опыт, ясно указывает на то, что сам по себе распад особого благоденствия народам не приносил в прошлом и в настоящее время также оказался для большинства населения малоуспешным.

В отличие от предшествующих этапов нынешний интеграционный процесс на евразийском пространстве, рассматриваемом в постсоветских границах¹, зарождается с четко выраженной экономической доминантой, беря за образец Европейский Союз как наиболее амбиционный и продвинутый интеграционный проект. Особенностью такой модели интеграции является то, что она базируется на экономических интересах и их совпадении среди потенциальных участниках, осуществляется в системе рыночных координат, позволяя реализовать конкурентные преимущества более емкого рынка и делая ставку на взаимное освоение и защиту “больших пространств” в конкурентной борьбе.

Обсуждая возможности и перспективы экономической модели интеграции на евразийском (постсоветском) пространстве вместе с тем не следует идеализировать и преувеличивать саму эту модель. Произошедший мировой экономический кризис 2008-2009 годов показал, что создание интеграционных объединений не гарантирует их экономическую устойчивость и антикризисную защищенность. Дело в том, что интеграционный блок демонстрирует неодинаковые возможности в подъемной фазе и при наступлении кризиса. В первом случае интеграционный союз способен оказать дополнительное стимулирующее воздействие на экономический рост за счет большей емкости рынка, плотности хозяйственных связей, снятия барьеров в торговле, налаженного сотрудничества и т.п. Однако, когда экономика попадает в ситуацию кризиса, интеграционные связи не столько помогают, сколько мешают странам преодолевать возникшие трудности.

Следующее, что важно учитывать для успеха экономического интеграционного проекта, это проблема обоснованного отбора участников с учетом близости общего уровня социально-экономического развития, плотности торговли и экономических связей, социокультурной совместимости, позитивного отношения основной части населения, а также предрасположенность к интеграции политической и деловой элит. Если с этих позиций обратиться к характеристике евразийского пространства, то первая особенность связана с асимметричностью его потенциальных партнеров по масштабу основных социально-демографических и экономических параметров. Несомненным и доминирующим субъектом в данном макрорегионе вы-

¹ Отметим, что в научной литературе и среди политиков также обсуждается проблема “большой интеграции” на всем пространстве Евразии. См. (Винокуров 2012).

Посткризисная экономика и интеграционные процессы на евразийском пространстве ступает Россия и на нее уже в силу самой масштабности возлагается особая роль в инициации и последующем укреплении интеграционного движения (см. табл. 2).

Таблица 2. Россия и ее роль в СНГ и Таможенном союзе (2012 г.), %

Параметры	СНГ ²	Таможенный союз
Население	54.2	84.6
ВВП	74.8	86.5
Промышленность	72.0	86.6
Сельское хозяйство	60.9	81.7
Инвестиции в основной капитал	78.6	88.0
Внешнеторговый обмен	65.7	83.2

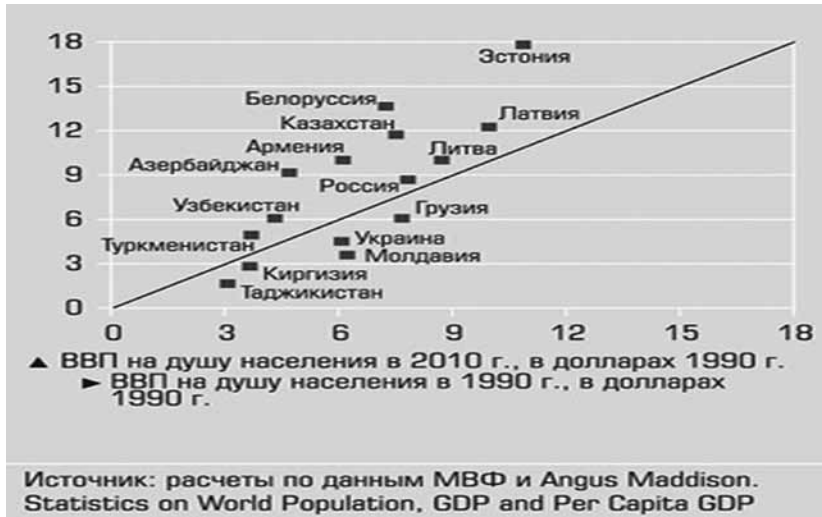
Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ

Абсолютное доминирование России на постсоветском пространстве и тем более в рамках Таможенного союза контрастирует с ситуацией в ЕС, в котором также есть своя лидирующая группа наиболее крупных государств и относительно периферийные зоны. Так, на долю 4 самых крупных экономик евроинтеграционного блока приходится 62,6% его общего ВВП. При этом удельный вес Германии составил 20,5%, Франции – 16,0%, Великобритании – 13,6%, Италии – 12,5%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что экономический вес России в СНГ больше, чем общий вес четырех самых крупных евроэкономик. В известном смысле можно говорить о монопольном положении России на территории СНГ, что определяет специфику и создает дополнительные трудности в продвижении интеграционного проекта. Крупный российский экономический потенциал предопределяет соответствующую возможность оказания сильного влияния на другие страны, вызывая у них опасения по поводу их самостоятельности и способности реализовывать свои экономические и политические интересы на равноправной основе. В силу данного обстоятельства немалое число политиков и экспертов рассматривают евразийскую (постсоветскую) территорию как регион традиционную российского доминирования и экспансии.

Во всяком случае, наличие нескольких экономически равных участников интеграционного объединения создает больше шансов для относительно слабых игроков в их политическом маневрировании и в отстаивании своих интересов. Экономическая асимметричность особенно болезненно может восприниматься политическими и хозяйственными элитами таких государств, опасаящихся потерять свои властные полномочия и имущественные привилегии. В свою очередь, экономические выгоды от интеграции в СНГ для России менее значимы, особенно на начальном этапе, что ослабляет ее роль ведущего интегратора. К тому же в сложившихся условиях ее реальный политический ресурс в этой сфере не соответствует ее экономическому потенциалу, что побуждает ее проводить более осторожную и сдержанную политику².

² Примечательно, что инициатива о создании на постсоветском пространстве Евразийского союза впервые была публично высказана президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым в стенах МГУ им. М. В. Ломоносова в марте 1994 года.

Рисунок 1. ВВП на душу населения в постсоветских государствах в 1990 и 2010 гг. (в долларах США³ 1990 г.)

Признак асимметричности на постсоветском пространстве имеет и другое свое проявление, связанное с неодинаковыми результатами, к которым пришли бывшие советские республики за почти четвертьвековой период политической независимости. Оказалось, что далеко не всем из них удалось восстановить свои социально-экономические позиции, как они сложились еще в советской экономике. Трансформационный кризис, который затронул все бывшие советские республики, привел к тому, что по душевому уровню ВВП в таких государствах СНГ, как Кыргызстан, Молдова, Таджикистан и Украина все еще не достигнут уровень 1990 года (см. рис. 1). Причины были разные, но в данном случае важно обратить внимание на серьезное последствие для интеграции от значительно возросшей дифференциации в уровне социально-экономического развития в СНГ, что не может не осложнить заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве.

Если в поздний период развития СССР разница в производстве национального дохода на душу населения между союзными республиками составляла примерно 2.5 раза (прибалтийские и среднеазиатские республики), то в настоящее время такое различие между Россией и Таджикистаном составляет 8-кратную величину. В СНГ можно выделить, с одной стороны, группу государств с относительно высокими душевыми доходами (это: Россия – 16,8 тыс. долларов, Беларусь – 15 тыс. долларов, Казахстан – 13 тыс. долларов), с другой, – группу с экстремально низкими доходами (Таджикистан – 2,1 тыс. долларов, Кыргызстан – 2,4 тыс. долларов, Молдова – 3,4 тыс. долларов).

Такой же существенно возросшей дифференциацией характеризуется положение с уровнем оплаты. Если в пересчете по рыночному

³ Далее по тексту – доллар.

обменному курсу на доллары в 2012 году среднемесячная заработная плата составила в России 824 доллара, в Казахстане – 700 долларов, в Беларуси – 480 долларов, то в Таджикистане – 120 долларов, Кыргызстане – 220 долларов, Молдове – 300 долларов.

Для сравнения приведем ситуацию с социально-экономической дифференциацией в ЕС в расширенном составе. В 2011 году в ЕС-27 уровень ВВП по паритету покупательской способности (ППС) на душу населения варьировался между его участниками в диапазоне от 12,5 тыс. долларов (Румыния) и 13,6 тыс. долларов (Болгария) до 82,6 тыс. долларов (Люксембург), 42,4 тыс. долларов (Нидерланды) 40,4 тыс. долларов (Швеция) при среднем значении по Европейскому Союзу в 32,7 тыс. долларов. Как видно, уровень дифференциации также значителен и он особенно возрос после 2004 года, когда евроинтеграция значительно расширилась за счет государств с заметно более низким уровнем экономического развития. Если рассмотреть различия в уровне ВВП на душу населения применительно к ЕС-15, то различия существенно сглаживаются. Странами с наименьшим значением данного показателя оказываются Португалия (23,4 тыс. долларов) и Греция (26,2 тыс. долларов), что определяет сокращение разрыва примерно с 4-кратной до 1,5-кратной величины.

Для формирующегося интеграционного объединения на евразийском пространстве важно, чтобы исторический опыт ЕС, как ранее и СССР, тщательно учитывался и не допускал непродуманных решений. И одновременно мы должны видеть в развитии интеграции вполне разумную защитную реакцию на кризис глобализации с поиском выхода из него.

Еще одним, несомненно, важным условием успеха интеграционного процесса является внутрирегиональная плотность экономических связей, а это – взаимная торговля и инвестиционные проекты, производственная кооперация, свободная трудовая миграция и т.п. При этом следует учитывать как сложившийся уровень таких взаимосвязей, так и их динамику. Анализ взаимной внешней торговли и ее динамики, хотя в полной мере и не раскрывает всю совокупность хозяйственных связей, тем не менее, является достаточно точным индикатором экономического притяжения. Ситуация в данной области неоднозначная. Положительным моментом является то, что абсолютные значения взаимного экспорта и импорта в СНГ за период 2000-2012 годов существенно выросли. Если в 2000 году внутрирегиональный экспорт равнялся 26,3 млрд долларов, а импорт 30 млрд долларов, то в 2012 году он увеличился до 142,4 и 138,6 млрд долларов соответственно, т.е. в 5,4 и 4,6 раза⁴. Но при этом удельный вес экспорта внутри СНГ в общем экспорте стран остался неизменным (всего 19%), а по импорту произошло сокращение с 46 до 27% (см. табл. 3).

.....

⁴ Без учета внешней торговли Туркменистана и Узбекистана.

Таблица 3. Удельный вес СНГ в общем объеме экспорта и импорта 2000-2012 гг., %

Страны	Экспорт 2000 г.	Экспорт 2012 г.	Импорт 2000 г.	Импорт 2012 г.
Азербайджан	13	5	32	25
Армения	24	24	20	31
Беларусь	60	51	70	65
Казахстан	27	13	54	48
Кыргызстан	42	58	54	52
Молдова	59	43	33	31
Россия	13	15	34	13
Таджикистан	48	18	83	55
Украина	31	37	58	41
Всего по СНГ	19	19	46	27

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ

Не самым благоприятным моментом в торговле России со странами СНГ является относительно незначительная роль их рынков для ее экспортеров и одновременно относительно снижающийся спрос на продукцию партнеров по евразийской интеграции. В 2000-2012 годах российский экспорт в страны СНГ вырос с 13,8 до 78,1 млрд долларов (в 5,7 раза), а импорт увеличился с 11,6 до 41,7 млрд долларов (в 3,6 раза). В результате положительное сальдо для России возросло с 2,2 до 34,4 млрд долларов. Можно считать, что его возросшая величина в немалой степени характеризует более высокий уровень фактически дотационной поддержки стран СНГ со стороны России.

Насколько относительно низкая плотность внешнеэкономических взаимосвязей может стать барьером на пути формирования интеграционного союза?

Конечно, если за образец взять ЕС, то нельзя не видеть достаточно сложную проблему в поиске экономической мотивации в деле продвижения интеграционного проекта. В ЕС, согласно имеющимся данным, в среднем 2/3 внешнеторгового оборота стран ЕС приходится на участников этой интеграционной группировки. К тому же свыше 3/5 потоков прямых иностранных инвестиций осуществляется внутри этой интеграционной группировки. В сопоставлении уровня плотности внешнеторговых связей обнадеживает то, что не только в СНГ и странах Таможенного союза она заметно ниже в сравнении с ЕС. К примеру, в Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) она еще меньше, чем в СНГ, но, тем не менее, продолжает развиваться⁵. Отметим такую деталь: если до кризиса в 2008 году внутрирегиональный внешний оборот в СНГ составлял 20% от общего оборота, то после кризиса он возрос до 22% (2012 год). Это означает, что трудности выхода из кризиса побуждают страны СНГ переориентироваться на взаимную торговлю и укрепление сотрудничества.

⁵ СААРК – Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, созданная в 1985 году. В нее входят Бангладеш, Бутан, Мальдивы, Непал, Пакистан, Индия и Шри-Ланка. Позднее в эту организацию вступил Афганистан.

III

Успех интеграционного процесса, наряду с множеством экономических и политических предпосылок, не в меньшей степени зависит от его человеческого измерения. Отношение населения стран и особенно бизнес-элиты и политического руководства во многих случаях могут сыграть решающую роль в этом процессе. В этой связи очень важно проводить соответствующие социологические исследования по поводу интеграционных настроений в СНГ. Отметим, что в ЕС с 1973 года регулярно и на постоянной основе изучается мнение европейцев об евроинтеграции (программы “Евробарометра”), особое внимание при этом обращая на формирование общеевропейской идентичности (гражданства).

В настоящее время Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЦИИ ЕАБР) разработан “Интеграционный барометр ЕАБР”, на базе которого в 2012 и 2013 годах проведен опрос жителей 12 стран региона СНГ с целью изучения общественного мнения по различным аспектам евразийской интеграции и кооперации в динамике. В ходе него было опрошено более 14 тыс. граждан из 11 стран СНГ и Грузии – от одной до двух тысяч человек в каждой стране по репрезентативным национальным выборкам.

Анализ результатов проведенных социологических исследований дает обширный материал для оценок и прогнозов по поводу потенциала и перспектив евразийской интеграции на постсоветском пространстве (Задорин и др. 2013). Приведем некоторые, на наш взгляд, наиболее характерные оценки общественных настроений населения стран СНГ. Конечно, они могли претерпеть изменения в связи с событиями в Украине в 2014 году и, наверняка, последующие опросы их зафиксируют.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на распад СССР и уже достаточно длительный период функционирования политически самостоятельных государств, по-прежнему сохраняются достаточно плотные и постоянные личностные отношения жителей СНГ (см. рис. 3). Во всех странах такого рода отношения более значимы в сравнении с постоянными контактами с жителями других стран.

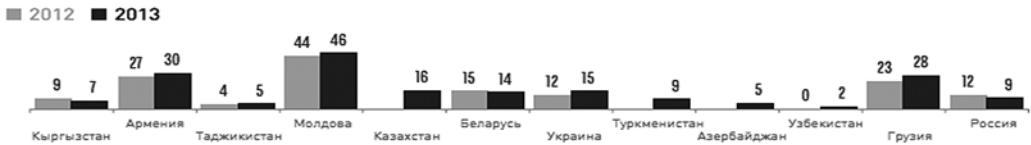
В среднем по 12 странам на наличие близких корреспондентов в 2013 году в странах СНГ указало 58% респондентов (в 2012 году – 57%). В известном смысле такая предпочтительность в ориентации населения СНГ находит подтверждение и в других сферах, включая экономическую. К примеру, наиболее привлекательными товарами для приобретения на евразийском постсоветском пространстве выступают товары, произведенные на территории России. Ее упомянули в диапазоне от 22 (Азербайджан) до 63% (Узбекистан) участников опроса в каждой из стран. Единственной страной, кроме России, чьи товары являются предпочтительными для населения, стала Беларусь (ее упомянули 20% респондентов в России и в Украине). Также Россия сохраняет наибольшую привлекательность для временной работы, особенно в среднеазиатских республиках – Кыргызстан (41%) и Таджикистан (41%).

Рисунок 2. В каких из перечисленных стран у Вас есть родственники, близкие друзья, коллеги, с которыми Вы поддерживаете постоянную связь (лично, по почте, телефону и т.п.), %

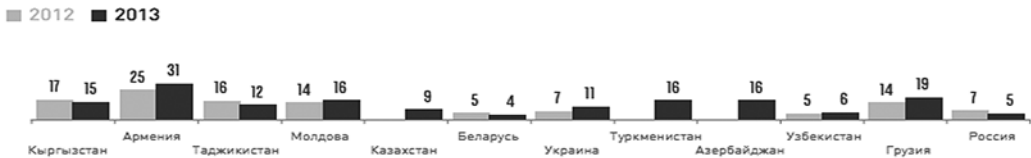
Страны бывшего СССР:

Страны Евросоюза:

Другие страны:

Источник: Задорин и др. 2013, с. 31

Особое место в социологических опросах занимают общественное мнение непосредственно об интеграционном процессе на постсоветском пространстве. Заслуживает внимания тот факт, что отношение населения к созданию Таможенного союза и Единого экономического пространства является четко положительным в странах их участников (Беларусь, Казахстан и Россия) (см. рис. 3).

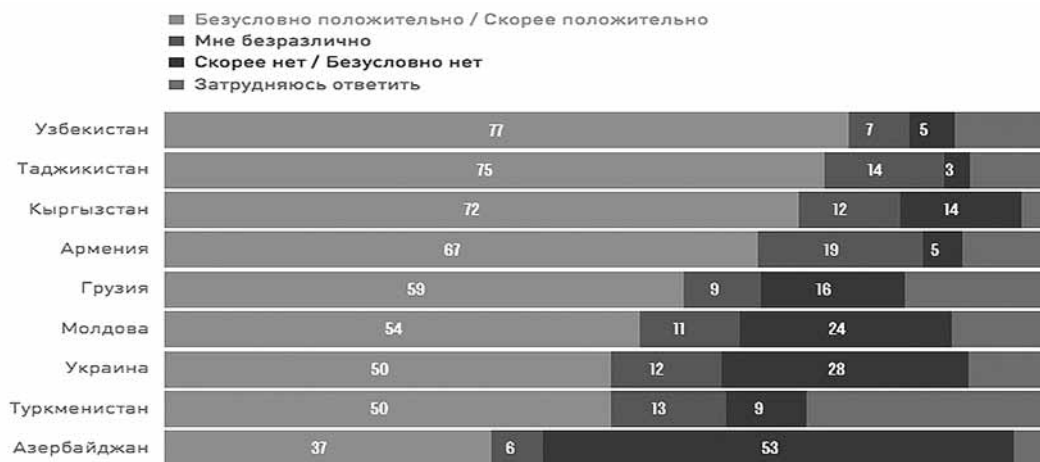
Рисунок 3. Как Вы относитесь к созданию Таможенного союза?

Источник: Задорин и др. 2013, с. 59

Не менее существенной с точки зрения оценки потенциала евразийской интеграции является то, как население других государств относится к целесообразности вхождения их государств в Таможенный союз и Единое экономическое пространство (см. рис. 4). Позитивное отношение к интеграционному проекту в рамках СНГ выразили все страны, кроме Азербайджана. Особенно значительна поддержка в среднеазиатских государствах и Армении. В меньшей степени – в Украине (50%)⁶ и Туркменистане (50%). Негативное отношение к Таможенному союзу и вступлению в него выразили 53% опрошенных в Азербайджане, 28% в Украине и 24% в Молдове.

Рисунок 4. Считаете ли Вы, что нашей стране желательно присоединиться к Таможенному союзу (Единому экономическому пространству), %

Источник: Задорин и др. 2013, с. 59

Приведенные данные об отношении населения стран СНГ к постсоветской интеграции корреспондируются с его оценками перспектив взаимодействия государств в ближайший 5-летний период. Во всех странах, кроме Азербайджана, предположение об усилении сближения государств преобладают над противоположными оценками. Хотя такое преобладание существенно различается по отдельным странам. Наибольший оптимизм в 2013 году зафиксирован в Узбекистане (69%), Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане (по 50%). В России и Беларуси – по 41%. Наибольший пессимизм отмечен в Азербайджане (29%), в Молдове (21%) и в Украине (20%). Интересно и то, как отличаются мнения о перспективах укрепления взаимодействия государств СНГ по разным возрастным группам. Здесь ситуация неодинаковая. В одной группе госу-

⁶ В связи с революционными событиями в Украине зимой 2013-2014 годов, проблемой Крыма и военным конфликтом на востоке Украины, что привело к значительному ухудшению российско-украинских отношений, ожидаются существенные изменения в общественном мнении при последующих замерах. Данное примечание относится ко всем другим рассматриваемым данным по Украине за этот период.

дарств (Таджикистан, Туркменистан, Армения, Молдова, Украина) благоприятные оценки перспектив интеграции в большей степени присутствуют у людей старшего возраста. Но есть уже государства, в которых молодежь более положительно оценивает евразийскую (постсоветскую) интеграцию. Это – Грузия и Азербайджан.

Полученные результаты социологических опросов, конечно, не могут в полной мере раскрыть достаточно сложную и неоднозначную палитру отношений населения стран СНГ к интеграционному проекту. Тем более важно принимать во внимание изменчивость настроений людей, их зависимость от текущих экономических и политических событий. Для сравнения приведем результаты социологических опросов жителей ЕС относительно перспектив европейского сообщества. Летом 2013 года они выявили, что 49% опрошенных оценивают будущее Евросоюза оптимистично, но вместе с тем 46% опрошенных дали пессимистичную его оценку. Во многом это связано с тем, что 72% респондентов характеризуют экономическую ситуацию в ЕС как плохую.

Таким образом, сохраняющийся позитивный вектор отношения людей к интеграции формирует не только ее благоприятный имидж в глазах людей, но и закладывает определенную основу для продвижения данного проекта. Надо понимать, что при всей важности “давления снизу” на интеграционный проект, его реализация зависит от продуманно и взвешенной деятельности соответствующих организационных структур и политических лидеров.

В этой связи обращает на себя внимание еще один факт, зафиксированный социологическими исследованиями. Речь идет о том, что во всей совокупности интеграционных притяжений в СНГ приоритетным кластером выделена сфера политики, а не экономика и даже не сфера социокультурных связей. Поэтому ставка только на экономическую модель в интеграционном евразийском проекте является по многим причинам ограниченной. В настоящее время и ЕС сталкивается с похожей проблемой, что подчеркивает важность сопряженности экономической интеграции с другими ее направлениями.

Создание интеграции сугубо на экономической платформе возможно и целесообразно, но в ее наиболее простых формах, например, в виде таможенного союза, как он сейчас возник, и без больших ожиданий на будущее. В этом случае его последующее расширение позволяет реализовать потребность в формировании емкого и защищенного рынка. В этой связи нередко высказывания о целесообразности расширения евразийской (постсоветской) интеграции за счет включения государств, которые не входили в состав СССР (к примеру, Монголии, Афганистана, Индии, Турции). Или предложения о необходимости евразийскую (постсоветскую) интеграцию дополнить евразийской континентальной интеграцией, реализующей идею открытого регионализма на всей территории Евразии (Винокуров и Либман 2012, с. 141-143; Кротов 2011).

Главным аргументом в таком случае является обоснование наличия большей экономической выгоды для постсоветских экономик от сотрудничества с ЕС. Однако события и острые конфликты, происходящие в 2014 году в Европе, свидетельствуют о том, что время для “большой интеграции” не наступило. Политическое противостояние все еще оказывается сильнее экономической заинтересованности во взаимовыгодном сотрудничестве. Хотя теоретически в отдаленном будущем могут сформироваться предпосылки для реализации более продвинутого варианта экономической интеграции, но сейчас не следует искусственно подстегивать его создание.

Заключение

Подводя итог проведенного анализа, сформулируем следующие выводы. Во-первых, преодоление кризисных процессов в мировой экономике и выход в фазу устойчивого посткризисного развития при нынешнем переплетении и взаимозависимости постсоветских экономик означает, что в этих условиях не обойтись без взаимодействия и координации хозяйственной деятельности и направлений совершенствования экономического регулирования в рамках евразийского пространства. Поэтому интеграционное экономическое взаимодействие на нем и дальше должно развиваться, устраняя ненужные ограничения и развивая многообразное сотрудничество между странами на взаимовыгодных условиях.

Во-вторых, накопленный исторический опыт развития интеграционных процессов позволяет выделить в качестве ключевой задачи обоснование содержательной стороны евразийской интеграции. От ее решения во многом зависит прочность и историческая перспективность такого интеграционного объединения. Ведь интеграционный процесс не следует рассматривать как некую самоцель, он должна быть встроена в более осмысленную систему координат. Применительно к современной ситуации в СНГ речь может идти, к примеру, об осуществлении совместной программы “новой индустриализации” на всем евразийском (постсоветском) пространстве, восстанавливая утраченный экономический потенциал и укрепляя свои позиции в международном разделении труда (Бляхман 2014; Рязанов 2013).

В-третьих, важной задачей, решаемой при осуществлении интеграционного проекта, становится недопущение его бюрократической коррозии, которая способна существенно снизить эффективность любого интеграционного объединения. Остановить тенденцию бюрократизации интеграционной деятельности, как представляется, можно в том случае, если само интеграционное объединение переформируется в Союз (содружество) народов и граждан входящих в него государств. В конечном счете интеграция должна формироваться не для чиновников и даже не для предпринимателей, а для людей, создавая лучшие условия для их социально-хозяйственной деятельности.

Источники и литература:

1. United Nations (2014). World Economic Situation and Prospects. New York.
2. Бляхман, Л.С. (2014). “Региональные и макрорегиональные основы новой индустриализации”. Проблемы современной экономики, № 1. с. 7-18.
3. Винокуров, Е.Ю. и Либман, А.М. (2012). “Евразийская континентальная интеграция”. Санкт-Петербург.
4. Задорин, И.В., Мальцева, Д.В., Мойсов, В.В., Халкина, Е.В., Шубина, Л.В. (2013). “Интеграционный барометр ЕАБР (вторая волна измерений)”. Санкт-Петербург, Евразийский банк развития.
5. Кротов, М.И. (2011). “Евразийская идея и перспективы СНГ”. Свободная мысль, № 10.
6. Межгосударственный статистический комитет СНГ. URL (доступ: 25.06.2014). <http://cisstat.com/>
7. Рязанов, В.Т. (2012). “Наднациональные и национальные регуляторы в условиях глобальной экономической нестабильности”. Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, Вып. 2. с. 13-32.
8. Рязанов, В.Т. (2013). “Время для новой индустриализации: перспективы России”. Экономист, № 8. с. 3-32.

AUTHORS

Juliya Chaikovskaya – Candidate of Economics, Associate Professor of Belarusian State University (Minsk, Belarus), e-mail: j1931@yandex.ru

Konstantin Golubev – Doctor of Economics, Candidate of Theology, Professor of Belarus State Economic University (Minsk, Belarus), e-mail: gki2@yandex.ru

Siarhei Lukin – Doctor of Economics, Professor, Head of International Management Department of Belarusian State University (Minsk, Belarus), e-mail: lukin@sbmt.by

Vladimir Poplyko – Candidate of Economics, Associate Professor of Belarusian State University (Minsk, Belarus), e-mail: v_poplyko@tut.by

Piotr Pysz – Doctor hab., Professor of University of Finance and Management in Białystok (Poland), College of Business and Technology (Vechta, Germany), e-mail: pyszpiotr@gmail.com

Viktor Ryazanov – Doctor of Economics, Professor, Head of Economic Theory Department of Saint-Petersburg State University (Russia), e-mail: v.rjazanov@econ.pu.ru

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
1(1), 2014

Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvariju g. 125, Vilnius, Lithuania)

Web: era-oikonomos.org

Web: oikonomos-journal.org

E-mail: era.oikonomos@gmail.com

Tel.: +370 676 60 722

КОНСТАНТИН ГОЛУБЕВ (главный редактор) – доктор экономических наук,
кандидат богословия, профессор Беларусского государственного экономического
университета (Минск, Беларусь);

АЛЕКСАНДР ШЕМЯКИН (выпускающий редактор) – магистр политических наук
(Минск, Беларусь);

ПЕРЕВОД:

Алексей Скребнев и Светлана Носова

Подписано в печать 9.12.2014
Формат издания 70x100/16, усл. печ. листов 7.8
Тираж 100 шт
Печать цифровая
Отпечатано: ИП Сафоненко Никита Александрович
220112 г. Минск, ул. Прушинских 20-126

9 772351 616001